

БЕЛОРУССКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

**ИССЛЕДОВАНИЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ
ОТНОШЕНИЙ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ:
СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ**

**Материалы республиканского
научно-практического семинара**

Научное электронное издание

Минск, БГУ, 2021

ISBN 978-985-881-153-2

© БГУ, 2021

УДК 327(476)(06)
ББК 66.4(4Бел)я431

Редакционная коллегия:

доктор исторических наук М. Э. Чесновский (гл. ред.);
доктор исторических наук *В. Г. Шадурский*;
доктор философских наук *А. М. Байчоров*;
доктор исторических наук *В. Е. Снапковский*;
доктор исторических наук *В. В. Фрольцов*;
кандидат исторических наук *А. В. Тихомиров*;
кандидат исторических наук *Р. М. Турарбекова*

Рецензенты:

кафедра всеобщей истории и методики преподавания истории
Белорусского государственного педагогического
университета имени Максима Танка (заведующий кафедрой
кандидат педагогических наук *А. А. Корзюк*);
заведующий Центром всеобщей истории и международных отношений
Института истории НАН Беларуси
доктор исторических наук, профессор *В. В. Тугай*

Исследование международных отношений в Республике Беларусь: состояние и перспективы [Электронный ресурс] : материалы респ. науч.-практ. семинара / Беларус. гос. ун-т ; редкол.: М. Э. Чесновский (гл. ред.) [и др.]. – Минск : БГУ, 2021. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM). – ISBN 978-985-881-153-2.

Представлены материалы республиканского научно-практического семинара, проведенного кафедрой международных отношений БГУ 4 октября 2019 г. Рассматриваются основные тенденции формирования внешней политики Беларуси, особенности геополитического положения Беларуси, результаты изучения проблем внешней политики Беларуси и международных отношений в современных условиях.

Минимальные системные требования:

PC, Pentium 4 или выше; RAM 1 Гб;
Windows XP/7/10;
Adobe Acrobat.

Оригинал-макет подготовлен в программе Adobe InDesign.

Ответственный за выпуск *Т. М. Турчиняк*. Дизайн обложки *Т. Ю. Таран*.
Технический редактор *В. П. Явуз*. Компьютерная верстка *Е. В. Севрук*.
Корректор *И. В. Сазонова*.

Подписано к использованию 29.10.2021. Объем 1,10 МБ.

Белорусский государственный университет.
Управление редакционно-издательской работы.
Пр. Независимости, 4, 220030, Минск.
Телефон (017) 259-70-70.
email: urir@bsu.by
<http://elib.bsu.by/>

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	4
ВВЕДЕНИЕ	5
<i>Аўласенка І. М.</i> Дыпламатыя Беларускай ССР праз погляд пісьменнікаў	6
<i>Ван Фа.</i> Политический диалог Китайской Народной Республики с Российской Федерацией в 2017–2019 гг.	11
<i>Володькин А. А.</i> Проблема периодизации развития внешней политики государств Балтии после 1991 г.	18
<i>Журавская О. С.</i> Освещение отношений Республики Беларусь и НАТО в концептуальных документах Республики Беларусь.....	25
<i>Ковяко И. И.</i> Предпосылки и причины кризиса ГДР: основные подходы к изучению проблемы в англо-американской историографии	29
<i>Малевич Ю. И.</i> Феномен межкорейского урегулирования: роль Японии.....	35
<i>Пашковская Е. О.</i> Великобритания и концепция «многоскоростной» Европы.....	42
<i>Свилас С. Ф.</i> Макро- и микроисторический подходы в исследовании международных отношений	45
<i>Снапкоўскі У. Е.</i> Аб ролі і значэнні ўнутраных і знешніх фактараў у гісторыі знешняй палітыкі Беларусі.....	52
<i>Тихомиров А. В.</i> Общественно-политическая дискуссия о перспективах развития государственности и внешней политики Беларуси в конце 1991 г.	62
<i>Хэ Юэцзе, Демидович Е. В.</i> Российско-Китайские отношения в гуманитарной сфере в 2000–2018 гг.	67
<i>Чесновский М. Э.</i> Изучение вопросов политической и экономической активности КНР в южноамериканских странах в XXI в. (на примере Венесуэлы)	72
<i>Ши Вэй.</i> «Один пояс и один путь» – новая внешнеполитическая стратегия КНР	83
<i>Ши Даньдань.</i> Основные направления сотрудничества КНР И ЮНЕСКО (2014–2019 гг.)	89
<i>Ярмошук К. И., Малевич Ю. И.</i> Угроза терроризма в Австралии как международная проблема	96

ПРЕДИСЛОВИЕ

Бурные процессы, происходящие в международной жизни XXI в., предопределяют повышенное внимание исследователей и экспертных сообществ к изучению, осмыслению и описанию всего свершившегося. Пока трудно изложить общий оценочный взгляд на международный процесс современности: потребуются годы, возможно десятилетия, чтобы осуществить системную реконструкцию и глобальный охват.

Подобные труды появляются весьма редко и, как правило, возводят их авторов на пьедестал уникальных историографов, или теоретиков сферы международных отношений, или родоначальников новых научных направлений. Но исходные позиции и подходы для системных обобщений дают политематические исследования наподобие включенных в предлагаемое издание.

Именно им в перспективе предстоит стать теми «пазлами», которые лягут в основу реконцептуализации международных отношений путем сведения лавины частных фактов, событий, явлений начала XXI в. в единый комплексный процесс. Прорывные и созидательные на пути прогресса, но чаще тревожные, волнующие человечество, разрушающие привычное и устоявшееся перемены, как представляется, будут трактоваться в категориях переходного этапа от кратковременных попыток основания однополярного мироустройства к новой системе международных отношений. Нам, современникам этих перемен, пока неясно, каков будет переход: завершится ли он эволюционным синергетическим эффектом, либо трансформационно – через замену устоявшихся порядков, либо даже революционно – через ломку существующих устоев.

Для белорусского общества, все еще выстраивающего свой оптимальный геополитический тренд, любой вариант изменения мироустройства будет равнозначен судьбоносному вызову. Младенческое состояние суверенитета белорусского государства не позволит избежать испытаний на пути собственного превращения в субъект международно-правовых отношений.

Исследования в разрезе отдельных государств, региональные и глобальные аспекты современности, составившие канву издания, свидетельствуют о большом потенциале белорусских ученых-международников, способных не только сосредоточить внимание современников на определяющих процессах мирового развития, но и выделить коренные направления, обеспечивающие Республике Беларусь гармоничное включение в них.

ВВЕДЕНИЕ

В издание включены материалы республиканского научно-практического семинара «Исследование международных отношений в Республике Беларусь: состояние и перспективы», проведенного на факультете международных отношений БГУ 4 октября 2019 г. Инициатором проведения семинара была кафедра международных отношений, содействие в проведении оказал Центр евразийских и европейских исследований БГУ. Республиканский семинар стал продолжением научной дискуссии о современном формате и результативности научных исследований в области международных отношений, начало которой было положено в 2018 г.

На семинаре с приветственным словом к участникам мероприятия обратился декан факультета международных отношений В. Шадурский. В выступлении он ориентировал участников семинара на более активное донесение результатов научных разработок до белорусской общественности и научного сообщества за пределами Беларуси, необходимость синтеза научных знаний во взаимодействии с представителями иных научных направлений в части исследования международной проблематики, повышения актуальности исследуемых проблем.

Работа семинара проходила в рамках трех научных секций. Первая секция была посвящена проблематике изучения и преподавания международных отношений в Республике Беларусь. На второй секции белорусские ученые-международники оценили изменения, происходящие во внешней политике Беларуси в контексте трансформации современных международных отношений. Третья секция была посвящена региональному конструированию евразийского пространства на современном этапе.

Участники семинара рассмотрели и оценили результаты осуществления внешней политики Беларуси, обратив внимание на высокую степень влияния внутренних факторов на внешнюю политику белорусского государства. Также они проанализировали инновационные подходы в области методологии изучения и преподавания международных отношений на микро- и макроуровне. Значительное внимание уделили вопросам реконфигурации Евразии с учетом возрастания значимости Азии в современных международных отношениях. Особо отметили участники семинара роль Китая в данном процессе.

В заключительной части семинара были даны конструктивные предложения по организации научных исследований в области международных отношений и внешней политики Беларуси.

I. М. АЎЛАСЕНКА

*Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт; пр. Незалежнасці, 4,
220030, г. Мінск, Беларусь; avlasenkim@bsu.by*

ДЫПЛАМАТЫЯ БЕЛАРУСКАЙ ССР ПРАЗ ПОГЛЯД ПІСЬМЕННІКАЎ

У артыкуле прапануецца выкарыстоўваць дакументы асабістага паходжання беларускіх літаратараў для рэканструкцыі гісторыі беларускай дыпламатыі савецкага перыяду. Пералічаны найбольш інфарматыўныя крыніцы на гэтую тэму са спадчыны паэтаў і празаікаў. Зроблена выснова аб тым, што выкарыстанне крыніц такога тыпу таксама дапамагае раскрыць асаблівасці грамадска-палітычнага жыцця ў рэспубліцы і закранае гісторыю паўсядзённасці савецкай Беларусі. Творчая спадчына і крыніцы асабістага паходжання беларускіх пісьменнікаў (мемуары, дзённіковыя запісы, лісты) даюць магчымасць прасачыць не толькі афіцыйны бок работы дэлегацыі БССР у ААН, але і побыт, унутраную псіхалагічную атмасферу, нефармальныя ўзаемасувязі, якія цяжка аднавіць паводле афіцыйных матэрыялаў. Знаёмства з гэтымі аспектамі дазваляе дакладней раскрыць вытокі сённяшняй дыпламатыі Рэспублікі Беларусь.

Ключавыя словы: *пісьменнік; паэт; дыпламатыя; Беларуская ССР; Арганізацыя Аб'яднаных Нацый; Генеральная Асамблея; «халодная вайна».*

I. M. AULASENKA

*Belarusian State University; Nezavisimosti ave., 4,
220030, Minsk, Belarus; avlasenkim@bsu.by*

DIPLOMACY OF THE BYELORUSSIAN SSR THROUGH THE EYES OF WRITERS

The usage of the personal documents of the Belarusian writers to reconstruct the history of Belarusian diplomacy of the Soviet period is proposed in the paper. The most informative sources on this subject from the heritage of poets and prose writers are mentioned. It was concluded that the use of sources of this type also helps to reveal the peculiarities of the socio-political life in the republic and covers the history of everyday life of the Soviet Belarus. Creative heritage and sources of personal origin of Belarusian writers (memoirs, diaries, letters) make it possible to trace not only the official side of the activity of the delegation from the Byelorussian SSR to the United Nations, but also

everyday life, inner psychological atmosphere, informal relationships that are difficult to uncover by using only official documents. These aspects allow to uncover the origins of modern diplomacy of the Republic of Belarus more efficiently.

Keywords: *writer; poet; literature; diplomacy; Byelorussian SSR; Organization of the United Nations; General Assembly; Cold War.*

Гісторыя знешнепалітычнай дзейнасці БССР з'яўляецца актуальным кірункам у айчыннай гістарыяграфіі, якая патрабуе далейшага вывучэння. У савецкі час значны ўклад у распрацоўку гэтай навуковай праблемы ўнеслі С. Д. Вайтовіч, Н. С. Варабей, А. Е. Гурыновіч, Л. У. Языковіч і шэраг іншых даследчыкаў [1–4]. Ахопліваючы даволі шырокі пласт навуковых праблем, тым не менш, іх працы былі заснаваныя галоўным чынам на афіцыйных дакументах і апублікаваных крыніцах. З набыццём незалежнасці Рэспублікі Беларусь узніклі навуковыя працы, створаныя на падставе архіўных дакументаў і новых метадалагічных падыходаў. У гэтым шэрагу варта ўзгадаць манаграфіі У. Е. Снапкоўскага «Путь Беларуси в ООН: 1944–1945 гг.», «Знешнепалітычная дзейнасць БССР (1945–1953 гг.)», у якіх у навуковы абарот быў уведзены шэраг новых крыніц, у тым ліку і англамоўных [5; 6]. Грунтоўнасцю, заснаванасцю на шырокім комплексе архіўных дакументаў вызначаецца манаграфія С. Ф. Свілас «Деятельность Белорусской ССР в ЮНЕСКО (1954–1964 гг.)» [7]. Тым не менш праблема ўдзелу Беларускай ССР у Арганізацыі Аб'яднаных Нацый і яе спецыялізаваных установах настолькі шырокая, што і сёння застаецца шмат нераспрацаваных аспектаў. Звязана гэта і з тым, што шэраг архіўных матэрыялаў і на сённяшні час з'яўляецца для даследчыкаў закрытым.

З гэтай прычыны прадуктыўным прадстаўляецца вывучэнне гісторыі беларускай дыпламатыі праз крыніцы асабістага паходжання. Сярод крыніц такога кшталту варта ўзгадаць мемуары К. В. Кісялёва, В. С. Смірнова [8; 9]. У 2018 г. выйшла дакументальная кніга пра К. Т. Мазурава «Кирилл Мазуров. О чем молчало время...», дзе асобны раздзел адведзены і ўдзелу першага сакратара ЦК КП(б)Б у знешнепалітычнай дзейнасці БССР [10]. Разам з тым багатае поле для даследчыкаў прадстаўляе спадчына беларускіх літаратараў, якія таксама прымалі ўдзел у знешнепалітычнай дзейнасці БССР.

Нароўні з афіцыйнай дыпламатыяй важнае месца ў знешнепалітычнай дзейнасці БССР займала народная дыпламатыя. Адметную ролю ў ёй адыгрывалі грамадскія дзеячы, прадстаўнікі інтэлігенцыі: пісьменнікі, мастакі, кампазітары. Каардынацыя іх удзелу

адбывалася праз беларускае аддзяленне Усесаюзнага таварыства культурных сувязей з замежжам, якое ў 1958 г. было рэарганізавана ў Беларускае таварыства дружбы і культурных сувязей з замежнымі краінамі. У прыватнасці, прадстаўнікі беларускай савецкай інтэлігенцыі прынялі актыўны ўдзел у руху за мір. Так, у 1949 г. паэт Максім Танк наведаў Першы сусветны кангрэс прыхільнікаў міру ў Празе. А ў 1951 г. быў створаны Беларускі рэспубліканскі камітэт абароны міру, старшынямі якога неаднаразова становіліся беларускія літаратары – Якуб Колас, Аркадзь Куляшоў, Іван Мележ, Пімен Панчанка. Народная дыпламатыя БССР – цікавы феномен, якому ўжо быў прысвечаны шэраг навуковых работ. Сярод іх варта адзначыць манаграфію В. Г. Шадурскага «Культурныя сувязі Беларусі з краінамі Цэнтральнай і Заходняй Еўропы (1945–1990-я гг.)», якая стала асновай для абароны дысертацыі на суісканне вучонай ступені доктара гістарычных навук [11]. Прадмет гэтага даследавання ахапіў толькі стасункі БССР з еўрапейскімі краінамі.

Разам з тым існаваў і адваротны феномен: работнікі сферы літаратуры і мастацтва ўключаліся ў склад афіцыйных дэлегацый БССР. Так, пісьменнік Міхась Лынькоў і скульптар Заір Азгур прымалі ўдзел у афіцыйных дэлегацыях БССР на Генеральных канферэнцыях ЮНЕСКА (адпаведна ў 1956 і 1980 гг.). Такая форма задзейнічання прадстаўнікоў інтэлігенцыі падкрэслівала цесную сувязь паміж афіцыйнай і грамадскай дыпламатыяй Беларускай ССР. Тры беларускія літаратары – Максім Танк, Іван Шамякін, Іван Навуменка – узначальвалі Вярхоўны Савет БССР з 1965 па 1990 гг. З 1945 па 1990 гг. беларускія літаратары амаль штогод прымалі ўдзел у сесіях Генеральнай Асамблеі ААН. У якасці паўнамоцных членаў дэлегацый БССР у Злучаных Штатах пабывалі 29 паэтаў і празаікаў.

Многія аспекты ўдзелу беларускіх пісьменнікаў у дыпламатычнай дзейнасці Беларускай ССР амаль не атрымалі асвятлення ў гістарыяграфіі дагэтуль. У прыватнасці, не атрымала падрабязнага асвятлення тэма ўдзелу беларускіх пісьменнікаў у сесіях Генеральнай Асамблеі ААН. Асобныя моманты разгледжаныя філолагамі, якія даследавалі жыццёвы і творчы шлях пісьменнікаў, але гэтыя працыносяць літаратуразнаўчы характар, не закранаюць гісторыю ўласна дыпламатыі БССР. Нарысы ці крыніцы асабістага паходжання беларускіх літаратараў, што тычыліся ўдзелу ў рабоце Генеральнай Асамблеі ААН, амаль ніколі не становіліся прадметам асобных гістарычных даследаванняў.

Галоўнай прычынай такой сітуацыі бачыцца тое, што ўдзел беларускіх пісьменнікаў у дыпламатыі БССР як прадмет навуковага даследавання знаходзіцца на мяжы паміж гісторыяй і філалогіяй і лічыцца «нічыйнай» тэрыторыяй (у навуковым сэнсе). Даследаванне гэтай праблемы патрабуе міждысцыплінарнага падыходу. Разам з тым сама тэма мае значны эўрыстычны патэнцыял для далейшых даследаванняў у гісторыі беларускай дыпламатыі, бо дазваляе ўвесці ў зварот шэраг новых крыніц і разгледзець яе з новага ракурсу – як гісторыю паўсядзённасці беларускай дыпламатыі. У адрозненне ад мемуарнай спадчыны прафесійных дыпламатаў, крыніцы асабістага паходжання літаратараў больш разнастайныя і вызначаюцца мастацкім багаццем. З прычыны таго, што паэты і пісьменнікі ў большасці сваёй не з’яўляліся прафесійнымі чыноўнікамі, іх ацэнкі і назіранні адрозніваліся большай адкрытасцю і свежасцю.

Крыніцамі, якія найбольш поўна ўвабралі ў сябе назіранні беларускіх пісьменнікаў, з’яўляюцца дзённікавыя запісы, успаміны, эпістальная спадчына. Найбольш інфарматыўныя ў гэтым сэнсе дзённікі і лісты Максіма Танка, Рыгора Барадуліна, мемуары Івана Шамякіна, Максіма Танка [12–15]. Сярод нарысаў, апублікаваных у беларускім савецкім друку, найбольш дэталёвымі з’яўляліся творы Міхася Лынькова, Максіма Танка, Івана Шамякіна, Кастуся Кірэенкі, Анатоля Вярцінскага, Барыса Сачанкі. Як крыніцы асабістага паходжання, так і нарысы, вершы, аповяданні неслі на сабе адбітак светапогляду савецкага чалавека, таму з’яўляюцца цікавай гістарычнай крыніцай, дазваляючы звязаць гісторыю дыпламатыі з гісторыяй паўсядзённасці беларускага савецкага грамадства.

Такім чынам, знаёмства з удзелам беларускіх пісьменнікаў у знешнепалітычнай дзейнасці БССР, у прыватнасці ў рабоце на сесіях Генеральнай Асамблеі ААН, не толькі дазваляе прыадкрыць адну са старонак з гісторыі дыпламатыі БССР. Дзякуючы міждысцыплінарнаму характару гэтай тэмы таксама дапамагае раскрыць асаблівасці грамадска-палітычнага жыцця ў рэспубліцы і закранае гісторыю паўсядзённасці савецкай Беларусі. Творчая спадчына і крыніцы асабістага паходжання беларускіх пісьменнікаў (мемуары, дзённікавыя запісы, лісты) даюць магчымасць прасачыць не толькі афіцыйны бок работы дэлегацыі БССР у ААН, але і побыт, унутраную псіхалагічную атмасферу, нефармальныя ўзаемасувязі, якія цяжка аднавіць паводле афіцыйных матэрыялаў. Знаёмства з гэтымі аспектамі дазваляе дакладней раскрыць вытокі сённяшняй дыпламатыі Рэспублікі Беларусь.

Бібліяграфічныя спасылкі

1. *Войтович С. Д., Воробей Н. С., Толстой В. С.* Сотрудничество Белорусской ССР с социалистическими странами. Минск : Навука і тэхніка, 1970.
2. *Воробей Н. С.* Участие Белорусской ССР в отношениях Советского Союза с капиталистическими странами (50–70-е гг.) / науч. ред. П. Т. Петриков. Минск : Навука і тэхніка, 1981.
3. *Гуринович А. Е.* Участие Белорусской ССР в деятельности ООН. Минск : Беларусь, 1982.
4. *Языкович Л. В.* Деятельность Белорусской ССР в ЮНЕСКО Минск : Навука і тэхніка, 1986.
5. *Снапковский В. Е.* Путь Беларуси в ООН: 1944–1945 гг. / под ред. А. С. Протопопова. Минск : Навука і тэхніка, 1994.
6. *Снапоўскі У. Е.* Знешнепалітычная дзейнасць БССР (1945–1953 гг.). Мінск : Беларус. навука, 1997.
7. *Свилас С. Ф.* Деятельность Белорусской ССР в ЮНЕСКО (1954–1964 гг.). Минск : БГУ, 2013.
8. *Киселёв К. В.* Записки советского дипломата. М. : Политиздат, 1974.
9. *Смирнов В. С.* Беларусь в Совбезе ООН: воспоминания белорусского посла // Беларус. думка. 2011. № 1. С. 64–71.
10. *Голубева Н. А.* Кирилл Мазуров. О чем молчало время... Минск : Беларус. энцыкл., 2018.
11. *Шадурский В. Г.* Культурные связи Беларуси со странами Центральной и Западной Европы (1945–1990-е гг.). Минск : БГУ, 2000.
12. *Барадулін Р. І.* Дзённікі і запісы. Вып. 4 : 1983–1988 / [заўвагі: Н. Давыдзенка, І. Сляповіч]. Мінск, 2017.
13. *Танк М.* Збор твораў. Т. 10 : Дзённікі (1960–1994) / [уклад.: У. І. Мархель, С. У. Калядка]. Мінск, 2010.
14. *Танк М.* Збор твораў. Т. 12 : Лісты / [уклад.: У. І. Мархель, С. У. Калядка]. Мінск, 2011.
15. *Шамякін І. П.* Роздум на апошнім перагоне. Дзённікі 1980–1995 гг. Мінск : Маст. літ., 1998.

ВАН ФА

*Белорусский государственный университет; пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь; 1394903742@qq.com*

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИАЛОГ КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ С РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИЕЙ В 2017–2019 гг.

В статье освещены проблемы построения политического диалога Китайской Народной Республики с Российской Федерацией в 2017–2019 гг. Проанализированы стратегические приоритеты КНР в условиях смены мировых экономических центров и политической власти.

Ключевые слова: международные отношения; геополитика; Китайская Народная Республика; Российская Федерация; политический диалог; «Один пояс и один путь»; Евразийская интеграция.

WANG FA

*Belarusian State University; Nezavisimosti ave., 4,
220030, Minsk, Belarus; 1394903742@qq.com*

POLITICAL DIALOGUE BETWEEN THE PEOPLE'S REPUBLIC OF CHINA AND THE RUSSIAN FEDERATION IN 2017–2019

The article highlights the problems of building a political dialogue between the people's Republic of China and the Russian Federation in 2017–2019. The article analyzes the strategic priorities of the people's Republic of China in the context of changing world economic centers and political power.

Keywords: International relations; geopolitics; People's Republic of China; Russian Federation; political dialogue; One Belt, One Road; Eurasian integration.

Российская Федерация и Китайская Народная Республика – соседние государства, которые развивают всестороннее партнерство и стратегическое сотрудничество, их двусторонние политические отношения неуклонно улучшаются. Начиная с 2017 г. сотрудничество между Москвой и Пекином стало развиваться в рамках нового национального контекста, связанного с обновлением внутривнутриполитических приоритетов и новой политикой, заявленных на XIX съезде КПК КНР.

В марте 2018 г. в России прошли президентские выборы, где В. Путин был переизбран. Переизбрание Си Цзиньпина и Владимира Путина в качестве лидеров своих стран подтвердило позицию приверженности к избранному курсу, в рамках которого происходит последовательное укрепление российско-китайского сотрудничества в двустороннем и многостороннем измерениях, где важным направлением является внешнеполитическая составляющая [6].

В январе 2017 г. Китай в своей Белой книге под названием «Политика Китая в области сотрудничества по обеспечению безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе» определил отношения с Россией как «приоритет в дипломатии и координации» [16]. На институциональном уровне механизмы стратегических отношений КНР и РФ являются наиболее всеобъемлющими и эффективными. Президенты, премьеры и руководители Всекитайского собрания народных представителей и Думы РФ встречаются ежегодно.

В 2017 г. между председателем КНР Си Цзиньпином и президентом РФ Владимиром Путиным было проведено пять встреч. Так, 14 мая 2017 г. в Пекине прошла встреча лидеров двух стран в ходе Международного форума «Один пояс и один путь». Стороны обсудили возможности объединения мер для усиления стратегического влияния на мировые события, связанные с давлением западных стран и военными конфликтами в Сирии и Украине [10, с. 151].

8 июня 2017 г. президент РФ В. В. Путин в Астане встретился с Си Цзиньпином, они совместно поучаствовали в мероприятиях в рамках саммита ШОС. По итогам переговоров с Путиным было подписано совместное заявление о развитии отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия в новую эпоху [2].

4 июля 2017 г. Си Цзиньпин, находящийся в Москве с официальным визитом, провел встречу с В. Путиным в Кремле. По итогам визита председателя были подписаны следующие документы: 1) Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о дальнейшем углублении отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия; 2) Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о текущей ситуации в мире и важных международных проблемах; 3) План действий по реализации положений Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой на 2017–2020 гг., а также ряд других соглашений в области финансов и инвестиций, инфраструктуры, средств массовой информации, науки и спорта [10, с. 153].

В июле 2017 г. китайские и российские войска провели совместные военно-морские учения в Балтийском море, а затем в сентябре еще одно учение в Японском море. Для Китая совместные морские учения имеют несколько мотиваций. Помимо политических причин для расширения сотрудничества с Россией, Китаю необходимо обеспечить безопасность морских путей, поскольку его коммерческие интересы широко распространены по всему миру [14].

3 сентября 2017 г. Си Цзиньпин в китайском городе Сямэнь провел двусторонние переговоры с В. В. Путиным, который прибыл Китай для участия в саммите БРИКС. По итогам встречи была опубликована «Сямэньская декларация руководителей стран БРИКС», в которой 71 положение, более 60 документов и свыше 100 планов действий [10, с. 142]. В декларации прописана позиция объединения по экономической глобализации, борьбе с торговым протекционизмом, ядерной проблеме на Корейском полуострове и другим глобальным вопросам [15].

10 ноября 2017 г. встреча между лидерами Китая и России прошла уже на полях саммита Азиатского-Тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС), который состоялся во вьетнамском городе Дананге.

Все вышеназванные встречи прошли на высшем уровне, на них обсуждался весь спектр двустороннего партнерства и стратегического взаимодействия Китая и России.

В декабре 2017 г. посол Китая в России Ли Хуэй заявил, что «всеобъемлющее стратегическое партнерство между Китаем и Россией занимает особое положение в дипломатии и является важным проявлением идей социализма Си Цзиньпина в период новой эпохи» [16].

Политический диалог между Россией и Китаем в 2018 г. не прерывался и, как и прежде, отличался доверительным и конструктивным характером. В 2018 г. лидеры обеих стран провели четыре полноформатные встречи. Так, 24 апреля 2018 г. на совещании министров иностранных дел в Пекине были согласованы проекты, которые планировалось представить на рассмотрении лидеров РФ и КНР. Был принят за основу проект Циндаоской декларации глав государств, в которой отражены совместные подходы к решению задач ШОС. Одобрены проекты Плана действий на 2018–2022 гг. по реализации положений Договора о долгосрочном добрососедстве, дружбе и сотрудничестве государств – членов ШОС, программы сотрудничества государств – членов ШОС в борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом на 2019–2021 гг., совместное обращение глав государств к молодежи [11, с. 97].

В июне 2018 г. Владимир Путин совершил государственный визит в Китай, а также принял участие в XVIII заседании Совета глав государств – членов Шанхайской организации сотрудничества. По итогам саммита была принята Декларация, в которую вошли 17 документов, касающихся сотрудничества между странами, борьбы с терроризмом, наркотиками, эпидемиями и загрязнением окружающей среды [11, с. 99].

В ходе визита китайской делегации в Карелию 16 августа 2018 г. состоялась встреча первого заместителя секретаря Совета безопасности РФ Ю. Аверьянова с представителями китайской делегации во главе с членом политбюро КПК Яном Цзечи. Ю. Аверьянов отметил, что между официальными лицами и деловыми сообществами двух регионов установлены прочные связи, расширяется и углубляется перечень отраслевых соглашений и проектов в таких сферах, как энергетика, высшее образование, культура и туризм [7].

В сентябре 2018 г. председатель КНР Си Цзиньпин побывал во Владивостоке, где в качестве главного гостя впервые участвовал в Восточном экономическом форуме [3]. По итогам рабочего визита председателя КНР Си Цзиньпина в Российской Федерации подписаны следующие документы.

1. Меморандум о взаимопонимании Программы развития российско-китайского сотрудничества в торгово-экономической и инвестиционной сферах на Дальнем Востоке Российской Федерации на 2018–2024 гг. [11, с. 142].

2. Меморандум о взаимопонимании по вопросу создания Делового совета Дальнего Востока и Байкальского региона Российской Федерации и Северо-Восточного Китая.

3. Меморандум о взаимопонимании по укреплению российско-китайского регионального, производственного и инвестиционного сотрудничества на Дальнем Востоке.

4. Меморандум о взаимопонимании между Олимпийским комитетом России и Олимпийским комитетом Китая и т. д. [8].

Китай и Россия поддерживают тесное общение на высоком уровне, разные органы и структуры координируют свои действия для развития беспрепятственных контактов. Двусторонние политические отношения Пекина и Москвы имеют существенные особенности и важные черты благодаря укреплению взаимного доверия через взаимоуважение [5].

Еще две встречи состоялись в рамках проведения международных форумов – 26 июля 2018 г. во время саммита БРИКС в ЮАР и 30 ноября 2018 г. в Аргентине, где проходил саммит G20. По итогам встреч был подписан целый ряд межгосударственных и коммерческих двусторонних документов, затрагивающих сотрудничество в торговле, энергетике, космосе, защите интеллектуальной собственности и в других сферах.

Состоявшаяся в конце 2018 г. 23-я регулярная встреча представителей политических элит Китая и России позволила сторонам договориться о развитии российско-китайского торгово-экономического, инвестиционного, энергетического, межрегионального, приграничного и гуманитарного сотрудничества [1].

Подобная тенденция ускоренного развития китайско-российских дипломатических отношений продолжилась и в 2019 г. Уже 17 января члены Общественной палаты РФ прибыли в Китай. В ходе переговоров, которые прошли в Пекине и Шанхае, был намечен план совместной работы на год [9].

26 февраля 2019 г. состоялась встреча глав МИД на полях министерской встречи в формате РИК. В ходе беседы С. Лавров и Ван И основное внимание уделили главным политическим событиям в двусторонних отношениях в текущем году, обменялись мнениями о состоянии и перспективах российско-китайского стратегического взаимодействия [11, с. 119].

Так, 25–27 апреля 2019 г. В. Путин и Си Цзиньпин встретились в Пекине на международном форуме «Один пояс и один путь», в котором приняли участие почти 37 лидеров государств и правительств. В рамках официальной беседы лидеров РФ и КНР были приняты важные межправительственные решения.

Визит Си Цзиньпина в Россию в июне 2019 г. предзнаменовал начало новой эры сотрудничества двух стран на мировой арене. В ходе визита были рассмотрены тридцать документов, проведены переговоры, которые способствовали укреплению межгосударственных отношений. В сфере международного взаимодействия РФ и КНР в июне 2019 г. обе стороны договорились о том, что будут выступать против политического диктата и валютного шантажа в международном торгово-экономическом сотрудничестве; осуждать стремление отдельных стран к присвоению права определять целесообразность и допустимые параметры законного сотрудничества между другими государствами, а также к манипулированию требованиями глобального режима нераспространения для оказания давления на неудобные им страны [12].

Приоритетным направлением российско-китайского сотрудничества является развитие широкого и равноправного взаимодействия с участием всех заинтересованных игроков в Евразийском регионе в рамках инициативы «Один пояс и один путь» [4].

Многие из объявленных программ российско-китайского сотрудничества за последние несколько лет не оправдали ожидания двух стран и не смогли идти в ногу с внутренними и внешнеполитическими изменениями, что затрудняло достижение заявленных целей (Программа сотрудничества регионов Дальнего Востока и Восточной Сибири России и Северо-Восточного Китая на 2009–2018 гг., Программа российско-китайского сотрудничества в области космоса на 2013–2017 гг. и др.). Кроме того, на российско-китайское сотрудничество негативно влияют такие факторы, как отсутствие взаимного доверия, определенная асимметрия в развитии двух стран и несоответствие уровня их политических и экономических связей.

30 сентября 2019 г. Россия и Китай отметили 70-летие установления дипломатических отношений. Глава российского МИД С. Лавров, выступая на открытии выставки, посвященной этому событию, отметил: «История двустороннего партнерства уходит корнями в далекое прошлое и сегодня в его основе лежит принцип дружбы и добрососедства» [13].

Таким образом, за 2017–2019 гг. лидеры обеих стран встречались более 10 раз, что подтверждает приверженность этих сторон к тесному и благотворному сотрудничеству.

Обеспечение дальнейшего прогресса двустороннего взаимодействия и определение приоритетов в области этого взаимодействия имеют жизненно важное значение для формулирования общих целей и формирования стратегического плана долгосрочного российско-китайского сотрудничества на основе взаимодополняемости и взаимной выгоды.

Библиографические ссылки

1. 23-я регулярная встреча глав правительств России и Китая [Электронный ресурс] // Правительство России. URL: <http://government.ru/news/34600/> (дата обращения: 29.10.2019).

2. В Астане состоялась встреча лидеров России и Китая [Электронный ресурс] // EurAsiaDaily. URL: <https://easily.com/ru/news/2017/06/08/v-astane-sostoyalas-vstrecha-liderov-rossii-i-kitaya> (дата обращения: 29.10.2019).

3. Во Владивостоке состоялись переговоры Владимира Путина с Си Цзиньпином [Электронный ресурс] // BRICSINFORMATIONPORTAL. URL: <http://infobrics.org/post/27424/> (дата обращения: 29.10.2019).

4. ЕврАзЭС и КНР согласовали параметры соглашения о торгово-экономическом сотрудничестве [Электронный ресурс] // ТАСС. URL: <http://tass.ru/ekonomika/4606263> (дата обращения: 28.09.2019).
5. Китайско-российское взаимодействие – образец международных отношений нового типа [Электронный ресурс] // China Internet Information Center. URL: http://russian.china.org.cn/exclusive/txt/2017-11/01/content_41828180.htm (дата обращения: 28.09.2019).
6. Концепция сообщества единой судьбы человечества превращается из концепции в реальные действия – сказал Си Цзиньпин [Электронный ресурс] // Xinhua News Agency. URL: <http://russian.people.com.cn/n3/2017/1202/c31521-9299677.html> (дата обращения: 28.09.2019).
7. Куратор международного блока Китая приехал в Карелию [Электронный ресурс] // Республика. URL: <http://rk.karelia.ru/politics/authority/ministrinostrannyh-del-kitaya-priehal-v-kareliyu/> (дата обращения: 28.10.2019).
8. На Дальнем Востоке прошли российско-китайские переговоры [Электронный ресурс] // Министерство Российской Федерации по развитию Дальнего Востока и Арктики. URL: https://minvr.ru/press-center/news/18601/?sphrase_id=648761 (дата обращения: 28.10.2019).
9. О старте проекта годов российско-китайского межрегионального сотрудничества [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел Российской Федерации. URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/3070896 (дата обращения: 28.09.2019).
10. Российско-китайский диалог: модель 2018 : доклад № 39/2018 / С. Г. Лузянин, Х. Чжао (рук.) [и др.] ; гл. ред. И. С. Иванов ; Рос. совет по междунар. делам (РСМД). М. : НП РСМД, 2018.
11. Российско-китайский диалог: модель 2019 : доклад № 46/2019 / С. Г. Лузянин, Х. Чжао (рук.) [и др.] ; гл. ред. И. С. Иванов ; Рос. совет по междунар. делам (РСМД). М. : НП РСМД, 2019.
12. Россия и Китай вступают в новую эпоху укрепления стратегического партнерства [Электронный ресурс] // Вести. Экономика. URL: <https://www.vestifinance.ru/articles/120393> (дата обращения: 02.10.2019).
13. Россия и Китай отмечают 70-летие установления дипломатических отношений [Электронный ресурс] // ТВ Центр. URL: <https://www.tvc.ru/news/show/id/169388> (дата обращения: 02.10.2019).
14. Россия и Китай на фоне угроз США начали военные учения у берегов КНДР [Электронный ресурс] // News.ru.com. URL: <https://www.newsru.com/world/18sep2017/ruchinakndr.html> (дата обращения: 21.12.2019).
15. Сямэньская декларация руководителей стран БРИКС [Электронный ресурс] // Digital Russia. URL: http://d-russia.ru/wp-content/uploads/2017/09/2017-09-05_BRICS_Declaration.pdf (дата обращения: 29.10.2019).
16. Russian-Chinese Dialogue: The 2017 Model May 28, 2017 [Electronic resource] / Рос. совет по междунар. делам. URL: <https://russiancouncil.ru/en/activity/publications/russian-chinese-dialogue-the-2017-model/> (дата обращения: 28.09.2019).

А. А. ВОЛОДЬКИН

Институт истории НАН Беларуси;
ул. Академическая, 1, 220072, г. Минск, Беларусь; andrei_va@tut.by

ПРОБЛЕМА ПЕРИОДИЗАЦИИ РАЗВИТИЯ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ ГОСУДАРСТВ БАЛТИИ ПОСЛЕ 1991 г.

В статье рассматривается проблема периодизации истории развития внешней политики Литвы, Латвии и Эстонии после восстановления их независимости в 1991 г. Автор осуществляет краткий обзор историографии по этой проблеме, характеризует три возможных подхода к периодизации внешней политики государств Балтии, дает критический анализ каждого из них и предлагает собственный вариант ее периодизации, включающий четыре основных этапа.

Ключевые слова: Литва; Латвия; Эстония; внешняя политика; периодизация.

A. VALODZKIN

*The Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus;
Academic str., 1, 220072, Minsk, Belarus; andrei_va@tut.by*

THE PROBLEM OF PERIODIZATION OF THE DEVELOPMENT OF THE BALTIC STATES ' FOREIGN POLICY AFTER 1991

The article deals with the problem of periodization of the history of foreign policy development in Lithuania, Latvia and Estonia after the restoration of their independence in 1991. The author provides a brief overview of the historiography on this issue, describes three possible approaches to the periodization of the foreign policy of the Baltic States, gives a critical analysis of each of them, and offers his own version of its periodization, which includes four main stages.

Keywords: Lithuania; Latvia; Estonia; foreign policy; periodization.

С момента восстановления государственного суверенитета Литвы, Латвии и Эстонии и его международного признания в 1991 г. история развития внешней политики трех государств Балтии насчитывает уже без малого три десятилетия и требует его изучения как исторического процесса. Такой подход напрямую связан с проблемой периодизации, т. е. с выделением основ-

ных этапов развития и вех, которые могли бы служить в качестве границ, устанавливая определенную структуру для анализа исторического процесса.

Вместе с тем, говоря об историографии вопроса периодизации развития внешней политики Литвы, Латвии и Эстонии, следует отметить ее крайнюю фрагментарность и неразвитость. Это связано с тем, что большинство западных исследователей пока не склонны рассматривать взаимодействие государств Балтии с другими субъектами международных отношений после восстановления своей независимости как некий исторический процесс. Они достаточно глубоко исследуют отдельные аспекты внешней политики этих стран (интеграция в ЕС и НАТО, отношения с Россией), но лишь в контексте актуальной международной политики, без исторической ретроспективы и анализа динамики этих процессов. Западных исследователей гораздо больше интересует текущее состояние той или иной проблемы во внешней политике государств Балтии и возможности объяснения этого состояния с помощью инструментария различных методологических подходов теории международных отношений и внешнеполитического анализа, чем выявление динамики основных тенденций и факторов развития внешнеполитических процессов. В качестве немногочисленных исключений можно привести монографию бельгийского профессора европейского права П. Ван Елсувеге, в которой он рассматривает интеграцию стран Балтии в ЕС, в том числе и как исторический процесс [1], а также статью американской исследовательницы литовского происхождения А. Парк, посвященную развитию внешнеполитических институтов Литвы, Латвии и Эстонии в 1990-е гг. [2].

Что касается исследователей из самих стран Балтии, большинство из них также рассматривает развитие внешней политики своих государств после 1991 г. в контексте политической науки, а не истории международных отношений и внешней политики. В научных изданиях этих стран присутствуют отдельные публикации ретроспективного характера [3–5], но они, как правило, посвящены конкретным направлениям внешней политики Литвы, Латвии и Эстонии, а не общей периодизации развития их внешней политики.

Российские авторы в наибольшей степени склонны рассматривать развитие внешней политики государств Балтии после 1991 г. как исторический процесс, основанный на хронологической последовательности решений и действий руководства этих стран в соответствующей сфере, в связи с чем в российской историографии делались

попытки периодизации и выделения отдельных этапов в развитии этого процесса. В качестве примеров здесь следует упомянуть статьи Р. Х. Симоняна [6; 7], И. А. Баторшиной [8], А. Н. Сытина [9] и кандидатскую диссертацию В. В. Воротникова [10], посвященные отдельным этапам развития внешней политики Литвы, Латвии и Эстонии.

Главная проблема, с которой сталкивается любой исследователь, пытающийся осуществить периодизацию развития внешней политики любого государства, это выбор того базового критерия, по которому будут выделяться ее этапы. И здесь возможны три основных варианта. Первый из них можно назвать институциональным подходом, так как в его основе лежит трансформация системы органов и норм, регулирующих разработку и реализацию внешнеполитического курса государства, например: перераспределение полномочий в сфере внешней политики между органами власти, принятие внешнеполитических документов доктринального характера, образование или ликвидация органов, отвечающих за отдельные направления внешней политики, развитие сети дипломатических представительств за рубежом и т. д. Подобного подхода в своей работе придерживается А. Парк [2].

При всей основательности такого подхода его применение к анализу развития внешней политики Литвы, Латвии и Эстонии сопряжено с целым рядом трудностей, обусловленных спецификой формирования новых политических систем транзитивного периода. Прежде всего речь идет о том, что формально закрепленное и реальное распределение полномочий между органами власти в сфере внешней политики в этих странах не всегда совпадали. Как отмечает та же А. Парк, а вслед за ней и В. В. Воротников, некоторые политические лидеры (например, Т. Х. Ильвес в Эстонии), переходя с одной государственной должности на другую (министр иностранных дел, премьер-министр, президент), сохраняли за собой ведущую роль в управлении внешней политикой. Кроме того, ни в одном из этих трех государств не прижилась практика фиксировать изменения своего внешнеполитического курса в специально принимаемых на периодической основе доктринальных документах – за весь период с 1991 г. в Литве, Латвии и Эстонии не было принято ни одной внешнеполитической доктрины или стратегии. По этой причине, в случае этих стран, вопрос о том, какие документы считать доктринальными и основополагающими в сфере внешней политики, остается крайне дискуссионным.

Второй подход является, пожалуй, самым простым и распространенным – периодизация внешней политики на основе электоральных циклов, знаменующих смену политических сил в руководстве государства, например внешняя политика США в период президентства Дж. Буша-младшего, Б. Обамы, Д. Трампа. Такого подхода частично придерживается в своей диссертации В. В. Воротников, определяя в качестве верхней границы своего исследования завершение очередного избирательного цикла в странах Балтии [10]. Однако, применяя такой подход к этим трем государствам, необходимо помнить два важных момента. Во-первых, роль главы государства или главы правительства в формировании внешней политики Литвы, Латвии и Эстонии не столь очевидна, как, например, в случае США, России или Великобритании. Распределение внешнеполитических полномочий в триаде «президент – премьер-министр – министр иностранных дел» зачастую зависело от конкретных личностей, занимавших эти посты. Во-вторых, еще в начале 1990-х гг. между системными политическими партиями во всех трех государствах Балтии сложился устойчивый консенсус по основным целям и направлениям внешней политики, который в случае Литвы неоднократно фиксировался в специально заключавшихся по этому поводу межпартийных соглашениях. Именно поэтому на выборах в странах Балтии не приходится говорить о конкуренции альтернативных внешнеполитических программ, а следовательно, и о прямом влиянии избирательных циклов на изменения внешнеполитического курса.

Наконец, третий подход предполагает периодизацию внешней политики государства исходя из событий международной политики, оказавших сильное влияние на данные государства и их внешнюю политику: изменение международного статуса этих государств или баланса сил в регионе, международный кризис, конфликт, разрядка и т. д. Особенно это актуально для малых государств, которые в гораздо большей степени подвержены давлению международной среды. Для стран Балтии таким важнейшим событием в период после восстановления их независимости, безусловно, стало вступление в НАТО и ЕС весной 2004 г. Членство в этих двух влиятельных международных объединениях являлось основной долгосрочной целью их внешней политики с начала 1990-х гг. и, как отмечает В. В. Воротников, после ее достижения эти страны до сих пор так и не сформулировали новой, равной по значимости, внешнеполитической цели. Вместе с тем абсолютизировать значение вступления в ЕС и НАТО для развития внешней политики Литвы, Латвии и Эстонии также

было бы неверно. Например, как отмечает в своей монографии латвийский исследователь Н. Муижнекс, вопреки многочисленным прогнозам, после вступления государств Балтии в эти два объединения их отношения с Россией не претерпели никаких существенных изменений [11]. Такой вывод можно назвать справедливым и для ряда других направлений внешней политики Литвы, Латвии и Эстонии, например их отношения с соседними странами Северной Европы.

В случае периодизации развития внешней политики государств Балтии ни один из перечисленных подходов не имеет абсолютного преимущества перед остальными. На протяжении рассматриваемого исторического периода релевантность каждого из них менялась в зависимости от ряда внешних и внутренних факторов. Поэтому в своем исследовании автор предлагает использовать смешанную периодизацию на основе сочетания этих подходов: при выделении каждого этапа учитывать преобладание только того критерия, который оказывал наибольшее влияние на внешнюю политику этих стран именно в данный период.

Исходя из этого, предлагается следующая периодизация. *Первый этап* – формирование основ суверенитета Литвы, Латвии и Эстонии. Этот период характеризуется установлением основ конституционного строя, выбором формы правления, закреплением в официальных документах основных целей и задач их внешней политики. Страны Балтии добиваются вывода со своей территории российских войск и изменения своего международного статуса с постсоветских республик на переходные страны Центральной и Восточной Европы. Наблюдается бурное развитие международных связей, прежде всего с европейскими организациями – вступление в ОБСЕ, СЕАП, СГБМ, Совет Европы, ЗЕС и т. д., попытки форсированной институализации отношений с ЕС и НАТО. Верхней границей этого этапа можно считать получение Литвой, Латвией и Эстонией статуса официальных кандидатов на вступление в ЕС (1995 г.).

Второй этап можно назвать периодом борьбы за вступление в НАТО и ЕС. Для этого времени характерна максимальная мобилизация странами Балтии внутренних и внешних ресурсов ради достижения своей стратегической цели – получения полноправного членства в этих двух западных объединениях. Поскольку возможности форсированной институализации отношений с ними к середине 1990-х были исчерпаны и окончательное решение вопроса о принятии Литвы, Латвии и Эстонии в ЕС и НАТО становилось перспективой неясного будущего, все направления внешней политики

этих трех стран (например, взаимодействие с соседями, развитие регионального сотрудничества, уступки в вопросе о границе с Россией, участие в международных миротворческих операциях и т. д.) были подчинены одной единственной цели – увеличению своих шансов на скорейшее принятие в ЕС и НАТО. Логичным завершением данного этапа стало их вступление в эти организации весной 2004 г.

Третий этап можно условно охарактеризовать как период поиска странами Балтии своего места в Общей внешней политике ЕС и в отношениях между Западом и остальным миром. Например, происходит переоценка отношений со странами европейской части постсоветского пространства. С запуском Европейской политики соседства, особенно программы «Восточного партнерства», Литва активно пытается выступить в роли регионального лидера и ретранслятора европейских моделей развития и собственного опыта трансформаций в страны «Восточного партнерства». В гораздо меньшей степени это характерно для Латвии и Эстонии, т. е. происходит определенная дифференциация интересов трех стран, которая затронула не только географические, но и отраслевые векторы их внешней политики. Например, Эстония, которая в 2007 г. столкнулась с мощными кибератаками извне, сделала ставку на специализацию в вопросах международной кибербезопасности. Литва, для которой после закрытия по требованию Евросоюза Игналинской АЭС остро встал вопрос энергодефицита, стала уделять приоритетное внимание вопросам энергетической безопасности.

Кроме того, данный этап весьма неоднородный. Его начало (2004–2008 гг.) совпало с периодом бурного экономического роста в Литве, Латвии и Эстонии, который укрепил веру населения этих стран в правильность выбранного политического курса. Однако уже в 2008 г. на государства Балтии обрушился экономический кризис, который заметно подорвал эту веру, а равно и позиции прежних политических элит, и способствовал выходу на политическую арену таких умеренно-пророссийских политиков, как Н. Ушаков в Латвии и Э. Сависаар в Эстонии (что породило у российских исследователей ложные надежды на скорую смену политического курса этих двух стран). А в 2011 г. начался период посткризисного восстановления, который сопровождался непопулярными мерами жесткой экономии и ростом евроскептицизма в странах Балтии.

Наиболее дискуссионным является выделение *четвертого* этапа в развитии внешней политики государств Балтии. Его начало связывают с кардинальным изменением международной ситуации после

присоединения Крыма к России и военного конфликта на Донбассе весной 2014 г. Начавшийся после этого период политической конфронтации между Западом и Россией некоторые эксперты и масс-медиа даже окрестили новой холодной войной. Основным содержанием этого этапа во внешней политике Литвы, Латвии и Эстонии становится абсолютизация вопросов обеспечения безопасности от внешних угроз и склонность к более жестким и категоричным оценкам международных событий и действий соседних стран, что со всей очевидностью продемонстрировала, например, жесткая позиция Литвы по вопросу строительства Белорусской АЭС в Островце.

Библиографические ссылки

1. *Van Elsuwege P.* From Soviet Republics to EU Member States. Leiden and Boston : Martinus Nijhoff, 2008. Vol. II.
2. *Park A.* Baltic foreign policy making establishments of the 1990s: Influential institutional and individual actors // *Journal of Baltic Studies*. 2005. Vol. 36, № 2. P. 178–208.
3. *Okinczyс C.* Ten Years of Lithuanian-Polish Reconciliation [Electronic recourse] // *Lithuanian Foreign Policy Review*. 2001. Vol. 7. URL: <http://lfpr.lt/wp-content/uploads/2015/07/LFPR-7-Okinczyс.pdf> (date of access: 15.07.19).
4. *The Centenary of Latvia's Foreign Affairs. Activities and Personalities* / eds. D. Potjomkina, A. Sprūds, V. Ščerbinskis. Riga : Latvian Institute of International Affairs, 2017.
5. *Vitkus G.* High time for reflection: 15 years of Lithuanian-Russian relations [Electronic recourse] // *Lithuanian Foreign Policy Review*. 2006. Vol. 18. URL: <http://lfpr.lt/wp-content/uploads/2015/08/LFPR-18-Vitkus.pdf> (date of access: 31.07.19).
6. *Симонян Р. Х.* Страны Балтии: от обретения независимости до экономического кризиса // *Горизонты экономики*. 2011. № 1. С. 33–43.
7. *Симонян Р. Х.* Финансово-экономический кризис в странах Балтии: некоторые политические итоги // *Власть*. 2010. № 11. С. 44–49.
8. *Баторшина И. А.* Литва в контексте евроинтеграционных процессов: от Люксембурга до Хельсинки // *Вестн. Балт. федер. ун-та им. И. Канта. Сер.: Гуманитар. и обществ. науки*. 2009. № 12. С. 48–51.
9. *Сытин А. Н.* Вступление в Евросоюз и новые внешнеполитические приоритеты стран Балтии // *Вестн. Моск. гос. обл. ун-та. Сер.: История и полит. науки*. 2009. № 2. С. 143–149.
10. *Воротников В. В.* Концепции и приоритеты внешней политики Латвии, Литвы и Эстонии в 2004–2012 гг. : дисс. ... канд. ист. наук : 07.00.03. М., 2014.
11. *Muižnieks N.* Latvian-Russian Relations: Dynamics Since Latvia's Accession to the EU and NATO. Riga : University of Latvia Academic Press, 2011.

О. С. ЖУРАВСКАЯ

*Белорусский государственный университет; пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь; zhuravskayavolha@mail.ru*

ОСВЕЩЕНИЕ ОТНОШЕНИЙ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ И НАТО В КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ ДОКУМЕНТАХ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

В статье раскрываются основные положения концептуальных документов Республики Беларусь, касающиеся обеспечения безопасности и взаимодействия с НАТО, проводится анализ вносимых изменений согласно новым реалиям политической обстановки.

Ключевые слова: Республика Беларусь; НАТО; безопасность; Военная доктрина; Концепция национальной безопасности.

O. ZHURAVSKAYA

*Belarusian State University; Nezavisimosti ave., 4,
220030, Minsk, Belarus; zhuravskayavolha@mail.ru*

BELARUS – NATO RELATIONS IN CONCEPTUAL DOCUMENTS OF THE REPUBLIC OF BELARUS

In the article the author analyzes main provisions of conceptual documents of the Republic of Belarus in the sphere of security and interaction with NATO, determines the changes introduced into the documents taken into account new political reality.

Keywords: Republic of Belarus; NATO; security; Military doctrine, National Security Concept.

Вопрос изучения отношений Республики Беларусь и НАТО является актуальным. Президент А. Лукашенко не раз подчеркивал, что Минск – это нейтральная переговорная площадка по трудным международным вопросам, и белорусы гордятся этим статусом. Но новую реальность, иногда некомфортную, для всего мирового сообщества создает напряженность диалога крупнейших мировых держав – США, Китая, России. Беларусь не может не беспокоить увеличение военных сил НАТО и США в соседних государствах. Это реалии, которые требуют укрепления боевой мощи Вооруженных сил Республики Беларусь, принятия мер безопасности [1].

Конечно, это совершенствование обороноспособности, взаимодействие в рамках ОДКБ, участие в маневрах, стратегических учениях, например «Щит Союза – 2019», собственное производство специальной и боевой техники. Также Беларусь развивает военнотехническое сотрудничество со многими странами, например Турцией, хоть она и член НАТО.

Но главное – это взаимоуважительные отношения с НАТО, которые содействовали бы укреплению безопасности страны. Три граничащих с Республикой Беларусью государства – члены альянса. Украина активно стремится стать его членом. Это вызов и питательная среда для конфронтации, но сторонам следует разговаривать, не создавать разделительные линии, расширять партнерство, открытость, взаимопонимание. Следует отметить, что информационный суверенитет Республики Беларусь обеспечивается на основе информационного нейтралитета [2].

Необходимо отметить, что соответствующая проблема недостаточно проработана в научном плане. Существуют лишь отдельные публикации по вопросам становления отношений в 1990-х гг. и по вопросам их развития в 2000-е гг., а комплексного исследования нет.

На вектор отношений с НАТО в течение 25 лет оказывают влияние как внешние, так и внутренние факторы. Среди них можно выделить структурные, которые имеют постоянный характер, включают исторические идеологические, ценностные установки, социально-экономические государственные приоритеты. К основным актам программного характера, имеющим важное политическое значение для Республики Беларусь, можно отнести: директивы, послания Президента, основные стратегии, концепции, доктрины и иные правовые акты, определяющие направления развития Республики Беларусь, а также государственные программы.

Так по проблематике отношений с НАТО следует выделить следующие документы:

- Об утверждении Военной доктрины Республики Беларусь : Закон Респ. Беларусь от 20 июля 2016 г. № 412-З;
- Об утверждении Концепции национальной безопасности : Указ Президента Респ. Беларусь от 9 ноября 2010 г. № 575;
- Об утверждении Основных направлений внутренней и внешней политики Республики Беларусь : Закон Респ. Беларусь от 14 ноября 2005 г. № 60-З.

Новая Военная доктрина была принята с учетом изменений тенденций развития военно-политической обстановки в Европейском регионе. Согласно документу существуют внешние опасности на уровне рисков и вызовов (пока что не угроз), к которым относятся:

- расширение в Европейском регионе военно-политических союзов, в которые не входит Республика Беларусь, либо присвоение ими глобальных функций (речь идет о НАТО);
- возникновение очагов вооруженных конфликтов и их эскалация с задействованием возможностей сил специальных операций, частных военных компаний и незаконных вооруженных формирований на территории государств, сопредельных с Республикой Беларусь (речь идет об Украине и ее кризисе с 2013 г.);
- наращивание вблизи Государственной границы Республики Беларусь масштабов мероприятий по оперативной и боевой подготовке вооруженных сил других государств (коалиций государств), осуществляемых без предварительного уведомления Беларуси и имеющих наступательный характер, с отработкой вопросов планирования и ведения военных операций в Европейском регионе (так охарактеризована ситуация, складывающаяся в Польше, Литве: размещение батальонов и военной техники НАТО вблизи 15 км от Беларуси) [3].

Тем не менее в доктрине делается вывод о том, что, поддерживая партнерские отношения с НАТО, Республика Беларусь стремится к выстраиванию равноправного диалога, повышению открытости и развитию взаимопонимания в рамках укрепления региональной безопасности [3].

Официально в пункте 6 Концепции записано: «Республика Беларусь является состоявшимся, независимым, суверенным европейским государством, которое не относится ни к одному из мировых центров силы, проводит миролюбивую внешнюю политику и стремится к созданию условий для приобретения нейтрального статуса. Беларусь в силу своего географического положения и открытости в полной мере подвержена воздействию большинства происходящих в мире геополитических процессов» [4].

Согласно Закону Республики Беларусь от 14 ноября 2005 г. № 60-З «Об утверждении основных направлений внутренней и внешней политики Республики Беларусь» основными направлениями являются: **в сфере международной безопасности** – развитие международного сотрудничества в целях сохранения и укрепления существующих систем международной и региональной безопасности; **в сфере международного военного сотрудничества** – проведение

государственной политики, направленной на предотвращение войны и поддержание мира, нейтрализацию потенциальных военных угроз; исключение вовлечения Вооруженных сил Республики Беларусь в вооруженные конфликты за пределами государства; расширение международного сотрудничества, партнерства и укрепление доверия в военной сфере [5].

На встрече с представителями американских аналитических центров 6 ноября 2018 г. Президент отмечал, что Восточную Европу следует сделать трансграничным поясом стабильности и взаимодействия. Следует избегать создания напряженности, чтобы не оказаться на линии цивилизационного разлома, на острие блокового противостояния между Востоком и Западом [6].

Таким образом, для Республики Беларусь главной задачей остается сохранение мира и безопасности в регионе, чтобы не стать бастионом между Россией и НАТО в ущерб национальным интересам, проявляя лояльность только одному или другому блоку.

Библиографические ссылки

1. Лукашенко А. Г. Послание белорусскому народу и Национальному собранию, 19 апреля 2019 г. [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал Президента Республики Беларусь. URL: http://www.president.gov.by/ru/news_ru/view/poslanie-belorusskomu-narodu-i-natsionalnomu-sobraniju-20903/ (дата обращения: 30.09.2019).

2. Лукашенко А. Г. Совещание по вопросам участия в интеграционных структурах и сотрудничества с европейскими организациями, 5 марта 2019 г. [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал Президента Республики Беларусь. URL: http://president.gov.by/ru/news_ru/view/soveschanie-po-voprosam-uchastija-v-integratsionnyh-strukturax-i-sotrudnichestva-s-evropejskimi-20640/ (дата обращения: 30.09.2019).

3. Об утверждении Военной доктрины Республики Беларусь : Закон Респ. Беларусь, 20 июля 2016 г. № 412-З // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. 2016. № 2/2410.

4. Об утверждении Концепции национальной безопасности Республики Беларусь : Указ Президента Респ. Беларусь, 9 нояб. 2010 г. № 575 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. 2010. № 276.

5. Об утверждении основных направлений внутренней и внешней политики Республики Беларусь : Закон Респ. Беларусь, 14 нояб. 2005 г. № 60-З // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. 2005. № 2/1157.

6. Лукашенко А. Г. Встреча с группой американских аналитиков, 6 ноября 2018 г. [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал Президента Республики Беларусь. URL: http://president.gov.by/ru/news_ru/view/vstrecha-s-gruppoj-amerikanskix-analitikov-19813/ (дата обращения: 30.09.2019).

И. И. КОВЯКО

*Белорусский государственный педагогический университет им. Максима Танка;
ул. Советская, 18, 220030, г. Минск; klq2034@mail.ru*

ПРЕДПОСЫЛКИ И ПРИЧИНЫ КРИЗИСА ГДР: ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ ПРОБЛЕМЫ В АНГЛО-АМЕРИКАНСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Описаны основные подходы к изучению предпосылок и причин кризиса ГДР, которые сформировались в британской и американской историографии. Выявлены характерные черты и особенности применения авторами данных подходов, проанализированы их методологические основы. Доказана целесообразность учета исследователями комплекса разнообразных подходов для повышения объективизации научного исследования.

Ключевые слова: британская историография; американская историография; германский вопрос; внешнеполитический подход; системно-экономический подход; концепция негибкости элиты; социально-психологический подход.

I. KAVIAKA

*Belarusian State pedagogical University named after Maxim Tank;
Sovetskaya str., 18, 220030, Minsk; klq2034@mail.ru*

BACKGROUND AND CAUSES OF EAST GERMANY CRISIS: MAIN APPROACHES TO THE PROBLEM STUDY IN BRITISH AND AMERICAN HISTORIOGRAPHY

The article identifies the main approaches to the study of the background and causes of the GDR crisis, which were formed in British and American historiography. The characteristic features and peculiarities of their application by the authors revealed, their methodological foundations analyzed. In conclusion, it is justified that researchers should take into account a range of diverse approaches in order to increase the objectification of scientific research.

Keywords: British historiography; American historiography; German question; foreign policy approach; economic approach; elite intransigence approach; social-psychological approach.

Исчезновение ГДР с политической карты мира оказало существенное влияние на дальнейшую судьбу СССР и социалистических стран Центральной и Восточной Европы. События конца 1980 – нача-

ла 1990-х гг. стали неожиданностью для исследователей по обе стороны рухнувшего железного занавеса и незамедлительно привлекли внимание своей стремительностью и масштабностью последствий. Постсоветская историография кризиса и краха ГДР достаточно неплохо изучена, однако анализ соответствующей проблемы британскими и американскими специалистами в русскоязычных публикациях практически не встречается. Принимая во внимание, что в послевоенные годы германская проблема являлась неотъемлемой частью международной политики не только СССР, но также США, Великобритании и Франции, изучение вопроса британской и американской историографии представляется важной и актуальной научной задачей.

Цель данного исследования заключается в установлении и сравнительном анализе основных подходов к изучению причин кризиса ГДР, которые сформировались в англо-американской историографии. При подготовке статьи был использован широкий круг источников, публикаций британских и американских исследователей, которые сконцентрировались на изучении главных движущих сил кризисных событий в ГДР на рубеже 1989–1990 гг. Статья подготовлена с учетом принципов историзма, объективности и системности. При ее написании использованы логические (анализ, синтез, индукция) и специально-исторические (историко-генетический, историко-функциональный, историко-сравнительный, историко-системный) методы исследования. Результаты и выводы статьи могут быть полезны при дальнейшем изучении состояния и основных тенденций развития англо-американской исторической науки, а также германской проблемы послевоенного времени. Они могут быть использованы при подготовке учебно-методических материалов, написании статей, монографий, учебных пособий.

В конце 1990-х–2000-е гг. изучение причин и предпосылок кризисных явлений в ГДР, которые привели к исчезновению государства, получило особую популярность в работах британских и американских исследователей-германистов. Стремительный распад государственных и партийных структур Восточной Германии стал неожиданностью даже для убежденных скептиков, традиционно критически настроенных по отношению к «форпосту социализма» в Европе. Изучение данного вопроса не представляется возможным в отрыве от комплексной проблемы германского урегулирования, которая возникла после Второй мировой войны. Для большинства западных исследователей именно существование ГДР (наряду с разделенным Берлином) являлось главным олицетворением неразрешенности германского вопроса.

При изучении историографии проблемы специальных исследований, посвященных заявленной теме, обнаружено не было. Краткие историографические обзоры представлены в работах отдельных авторов, которые занимались изучением кризисных явлений в ГДР и «гражданской революции» 1989–1990 гг. [1–4]. В качестве критерия, который исследователи выбирают для определения главного кризисного фактора, чаще всего упоминаются внешнеполитические события, экономические сложности, невосприимчивость номенклатуры ГДР к новым требованиям времени, а также постоянное осознание гражданами ГДР невысокого уровня своей жизни по сравнению с жителями соседней ФРГ. Выбор какого-либо критерия определяет формирование различных подходов к изучению заявленной проблемы.

Сторонники внешнеполитического подхода в качестве основных факторов, предопределивших исчезновение ГДР, называют изменения в международном климате и внешней политике отдельных государств. Так, по мнению ряда исследователей, острый кризис в Восточной Германии на рубеже 1980–1990-х гг. был обусловлен в первую очередь последствиями новой восточной политики Вилли Брандта, изменениями в мировой экономической структуре в 1970–1980-е гг., а также началом политики перестройки в СССР. К числу внешнеполитических изменений, которые стали своеобразной бомбой замедленного действия для ГДР, исследователи относят общую разрядку международной напряженности в конце 1960-х–1970-е гг., которая открыла дорогу нормализации внутригерманских отношений и дала толчок интенсивному развитию торгово-экономических и финансовых связей между ФРГ и ГДР. Учитывая значительное превосходство экономического потенциала ФРГ над ГДР, а также незаинтересованность руководства Восточной Германии в структурной перестройке экономики в 1970–1980-е гг., укрепление этих связей неизбежно вело к банкротству восточного партнера и его попаданию в зависимость от ФРГ [2, с. 91; 3, с. 212].

Новый внешнеполитический курс М. С. Горбачева рассматривается как ключевой внешний фактор, предопределивший крах восточно-германского государства. «Доктрина Синатры», провозглашенная советским руководителем на заседании Генеральной Ассамблеи ООН в декабре 1988 г., стала официальным отказом Кремля от продолжения имперской традиции в отношениях со странами ЦВЕ и подняла волну «бархатных» революций в социалистических странах. Лишенная поддержки своего создателя, для которого она изначально явля-

лась «нежеланным ребенком», ГДР была обречена на исчезновение в новых реалиях международных отношений в Европе. Большинство британских и американских исследователей характеризуют ее как искусственное образование времен холодной войны, которое закономерно должно было исчезнуть одновременно с ее окончанием [4, с. 299; 5, с. 98; 6, с. 157].

Сторонники системно-экономического подхода рассматривают в качестве основной причины кризиса ГДР неэффективность ее политической и экономической систем. В конечном итоге это привело к неспособности Восточной Германии адаптироваться к новым реалиям мировой экономики, которые сформировались в результате структурной перестройки и широкого использования результатов НТР. Командная экономика, которую авторы рассматривают как основу коммунистической системы, в силу своей негибкости оказалась слабовосприимчива к влиянию НТР и не смогла вовремя осуществить структурную перестройку. Однако следует отметить, что внешнеполитический и системно-экономический подход часто используется параллельно. При этом сравнительная экономическая неэффективность ГДР рассматривается как результат воздействия внешних факторов: «нефтяной шок», перестройка экономики стран Запада и Японии [7, с. 17; 8, с. 184].

Отдельного внимания заслуживает концепция негибкости политической элиты. Несмотря на то, что она не получила широкого распространения в публикациях британских и американских исследователей, влияние фактора элиты все же отмечается в работах отдельных авторов. По мнению ряда исследователей, осенью 1989 г. ГДР еще можно было спасти, предложив населению вариант политической конфедерации. Однако предыдущие годы убедили восточных немцев в неэффективности государственной системы ГДР и, породив ощущение безысходности, спровоцировали инстинкт бегства. Кризис доверия к власти ввиду ее бездействия и апатичности к происходящему был довольно велик. С падением Берлинской стены восточные немцы не стремились к сохранению ГДР, они ассоциировали это государство с его неэффективной элитой, неспособной улучшить качество их жизни. Косность структур власти, их невосприимчивость к проблемам общества и нежелание реформировать систему даже в условиях перестройки в СССР – все это исследователи относят к факторам, которые внесли ощутимый вклад в кризисные события 1989–1990 гг. [9, с. 193; 10, с. 380; 11, с. 202]. Следует отметить, что от-

дельные авторы при тщательном изучении причин недееспособности политической элиты ГДР во второй половине 1980-х гг. выделяют внешнеполитический фактор. Таким образом, они устанавливают связь между внешнеполитическим подходом и концепцией негибкости элиты. По их мнению, после прихода к власти М. С. Горбачева стремительное изменение внутренней и международной политики Кремля внесло раскол в ряды СЕПГ. Партия, которая и прежде не отличалась склонностью инициировать системные преобразования, оказалась и вовсе разбита политическим и идеологическим параличом. В результате правящая элита окончательно утратила поддержку и доверие населения [6, с. 169; 12, с. 150; 13, с. 158].

Наконец, в британской и американской историографии может быть выделен социально-психологический подход к ее изучению. Данный подход широко используется при поиске ответа на вопрос: являлись ли события 1989–1990 гг. в Германии революционными по своей сути или нет? Сторонники революционной теории полагают, что именно разрыв между желаниями и реальными возможностями жителей ГДР привел к нарастанию «ощущения относительного лишения» жизненных благ по сравнению с немцами ФРГ. Это в конечном итоге предопределило радикализацию общественных настроений в Восточной Германии, жители которой находились в постоянном понимании возможности обретения лучшей жизни и лучшего будущего для своих потомков [14, с. 173; 15, с. 151; 16, с. 303; 17, с. 40].

В заключение необходимо отметить, что ни один из вышеизложенных подходов не является самодостаточным при его изолированном использовании. Изучение предпосылок и причин кризиса ГДР как части комплексной германской проблемы требует привлечения разнообразных методов и учета различных подходов. Британские и американские исследователи, отдавая предпочтение какому-либо подходу, неизбежно опираются в своих работах на достижения и наработки других авторов. Так, например, использование системно-экономического подхода неизбежно приводит к учету внешнеполитических факторов; сторонники концепции негибкости политической элиты также нередко привлекают внешнеполитический подход. В конечном итоге это способствует объективизации научного исследования и поиску той самой истины, приблизиться к которой возможно только в условиях методологического разнообразия.

Библиографические ссылки

1. *Grix J.* The role of the masses in the collapse of the GDR. London : Macmillan, 2000.
2. *McCauley M.* Russia, America and the Cold War, 1949–1991. Harlow : Pearson Longman, 2004.
3. *Turner H. A.* Germany from partition to unification. New Haven and London : Yale University Press, 1992.
4. *Fulbrook M.* History of Germany 1918–2000. The divided nation. Oxford : Blackwell, 2005.
5. *Roberts G.* The Soviet Union in world politics. Coexistence, revolution and cold war, 1945–1991. London ; New York : Routledge, 1999.
6. *Grieder P.* To learn from the Soviet Union how to win: the East German revolution 1989–90 // Revolution and resistance in Eastern Europe / ed. by K. McDermott, M. Stibbe. Oxford : Berg, 2006. P. 157–179.
7. *Bark D. L.* The American-European relationship. Reflections on half a century, 1947–1997 // Reflections on Europe / ed. by D. L. Bark. Stanford : Stanford University, 1997. P. 1–44.
8. *Fowkes B.* The rise and fall of communism in Eastern Europe. London : Macmillan, 1993.
9. *Sarotte M.* 1989 : The struggle to create post-cold war Europe. Princeton : Princeton University Press, 2009.
10. *Sodaro M. J.* Moscow, Germany and the West from Khrushchev to Gorbachev. Ithaca ; London : Cornell University, 1990.
11. *Ross C.* Constructing socialism at the grass-roots. The transformation of East Germany, 1945–65. London : Macmillan, 2000.
12. *Allen B.* Germany East. Dissent and opposition. Montreal ; New York : BlackRose, 1991.
13. *Caldwel P.* Dictatorship, state planning, and social theory in the German Democratic Republic. Cambridge : Cambridge University, 2003.
14. *Harrison H.* The Berlin Wall: Looking back on the history of the Wall twenty years after its fall // Imposing, maintaining and tearing open the Iron Curtain. The Cold War and East-Central Europe, 1945–1989 / ed. by M. Kramer, V. Smetana. New York : Lexington, 2014. P. 173–201.
15. *Gaddis J. L.* We now know. Rethinking Cold War history. Oxford : Oxford University Press, 1998.
16. *Major P.* The death of the KPD. Communism and anti-communism in West Germany, 1945–1956. Oxford : Clarendon Press, 2004.
17. *Stent A.* Russia and Germany reborn: unification, the Soviet collapse and the new Europe. Princeton : Princeton University, 1999.

Ю. И. МАЛЕВИЧ

*Белорусский государственный университет; пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь; malejill@rambler.ru*

ФЕНОМЕН МЕЖКОРЕЙСКОГО УРЕГУЛИРОВАНИЯ: РОЛЬ ЯПОНИИ

Рассматривается роль Японии в поддержании международной безопасности в субрегионе Северо-Восточной Азии через призму отношений со странами Корейского полуострова. Отдельное внимание уделяется анализу японской позиции в процессе межкорейского урегулирования как участника шестисторонних переговоров, так и актора двусторонних отношений с КНДР и РК.

Ключевые слова: Япония; КНДР; Республика Корея; межкорейское урегулирование.

Y. MALEVICH

*Belarusian State University; Nezavisimosti ave., 4,
220030, Minsk, Belarus; malejill@rambler.ru*

INTER-KOREAN SETTLEMENT PHENOMENON: ROLE OF JAPAN

The article discusses the role of Japan in maintaining international security in the sub-region of Northeast Asia through the prism of relations with the countries of the Korean Peninsula. Special attention is paid to the analysis of the Japanese position in the process of inter-Korean settlement of both the participant in the six-party talks and the actor of bilateral relations with the DPRK and the RK.

Keywords: Japan; DPRK; Republic of Korea; inter-Korean settlement.

Развитие политической и экономической ситуации в Северо-Восточной Азии на протяжении полувека напрямую зависит от проблемы урегулирования межкорейских отношений, включающей в себя целый спектр сложнейших проблем уровня вовлеченности прямых и косвенных участников обозначенного процесса. Совершенно очевидно, что взаимоотношения прямых участников – Корейской Народно-Демократической Республики и Республики Корея – зависят от правящих элит, находящихся в данный конкретный момент исторического развития у власти. Косвенные же участники процесса –

Япония, Китай, Соединенные Штаты и Российская Федерация – руководствуются не только исключительными интересами обеспечения собственной безопасности, но и текущей ситуацией в мировой политике, уровнем распределения ресурсов в регионе, а также стремлениями усиления своего политического имиджа.

Для Японии образца XXI в. актуальны устойчивые и миролюбивые отношения с корейскими странами, поскольку это имеет немаловажное значение как для национальной безопасности самой Японии, так и для всего субрегиона в целом.

Однако следует принять за аксиому, что отношения Японии и с Южной Кореей, и с Северной Кореей складываются весьма неоднозначно и непросто. В основном это определяется отголосками времен колониального господства Японии, ее супер агрессией во время Второй мировой войны, эксплуатацией местных ископаемых и человеческих ресурсов, экономическими пережитками периода холодной войны и просто особенностями менталитета населения.

Весь спектр обозначенных проблем с завидной периодичностью всплывает в межгосударственных отношениях, влияя на геостратегическую стабильность в регионе и дальнейшее выстраивание политических курсов и внешней политики каждой их сторон. С таким количеством застаревших проблем весьма затруднительно продуктивно балансировать и удерживать свои позиции на региональном и глобальном уровнях.

Как указывалось выше, основная задача данной статьи – рассмотрение спектра существующих проблем с точки зрения трехсторонних отношений: Япония – КНДР – Республика Корея.

На протяжении длительного периода важнейшим аспектом трехсторонних отношений являлось участие в шестисторонних переговорах. Кроме того, именно эти переговоры могут сильно повлиять на построение дальнейших отношений между государствами.

Инициатором переговоров была не японская сторона, а председатель КНР Ху Цзинтао. Проблема заключалась в том, что к 2002 г. ситуация вокруг Северной Кореи накалилась настолько, что это задевало не только Корейский полуостров, но и весь регион Юго-Восточной Азии, при этом затрагивая интересы крупнейших мировых держав – США, Китая, России и Японии.

Оппонентами в переговорах можно считать КНДР с одной стороны и Японию, США, Южную Корею, Китай и Россию – с другой.

При этом расстановка сил на самом деле выглядит несколько иначе, что является еще одним подводным камнем в разрешении вопроса по ядерной программе КНДР.

Обращаясь к истории, можно заметить, что Северная Корея не является таким уж изгоем на международной арене: даже в Корейской войне именно на ее стороне выступила КНР. Между государствами существуют устоявшиеся дипломатические отношения и подписан Договор о сотрудничестве и дружбе, срок действия которого истек в 2021 году. При этом КНР обязуется при необходимости предоставить КНДР военную или любую другую помощь.

Таким образом, можно говорить о том, что КНДР имеет союзника, причем очень влиятельного, что усложняет задачу по разрешению ядерного вопроса. На переговорах Китай довольно лояльно относится к позиции Северной Кореи, хотя при этом всячески осуждает многочисленные ядерные испытания.

Именно этот фактор влияет на усугубление и так несоюзнических отношений Японии и КНДР. Ситуация между странами чрезвычайно напряженная. К тому же Япония вместе с США и Южной Кореей составляет так называемый «единый антисеверокорейский фронт». Это неофициальное название, его даже можно считать неудачной и провокационной политической шуткой, однако его можно довольно часто встретить в материалах, освещающих шестисторонний переговорный процесс [4].

Поскольку КНДР своим главным противником видит США, которые имеют в субрегионе сосредоточение большого количества стратегического вооружения, то северокорейское руководство обращает свое внимание в основном именно на американскую сторону. Наличие ядерного оружия, значит и реальная угроза внешнему миру, в понимании Северной Кореи, – единственная возможность усадить представителей США за стол переговоров, чтобы добиться для себя выгодных позиций.

Проблема заключается в том, что экономика КНДР с режимом, основанным на идеологии чучхе, и ресурсами находится в крайне плачевном состоянии, поэтому ей необходимо найти способ для выживания и развития в сложившихся условиях. Учитывая напряженные отношения с соседними странами и главного врага в лице Соединенных Штатов, Северной Корее выгоднее найти пути сотрудничества именно с противником. В определенном смысле это действительно может стать оптимальным вариантом для решения проблемы безопасности в субрегионе.

Как уже было указано ранее, на стороне США выступают и Япония, и Южная Корея. Однако очень долго в военных вопросах между Японией и Республикой Корея посредником выступала американская сторона, а потому военное сотрудничество между странами было затруднительным.

Несмотря на напряженные отношения между собой, Южная Корея и Япония видят общую угрозу в Северной Корее и Китайской Народной Республике, а потому в шестисторонних переговорах их позиция общая и единая с США [5].

При этом из-за тесных отношений с США Южная Корея иногда получает в свой адрес едкие высказывания со стороны Северной Кореи. Например, в 2014 г. во время своего визита в Сеул, американский президент Барак Обама назвал КНДР «государством-изгоем», а также указал на то, что в случае дальнейшего проведения ядерных испытаний эта «изоляция» может усугубиться. Это крайне оскорбило Северную Корею, поэтому Центральное телеграфное агентство Кореи в ответ очень нелестно отозвалось о Пак Кын Хе, на тот момент занимавшей президентский пост в Республике Корея, затронув при этом очень болезненную тему японо-корейской истории [2].

Как уже отмечалось выше, для Японии Южная Корея является важным союзником в политике сдерживания Северной Кореи. Странам необходимо прямое военное сотрудничество друг с другом, так как при ракетной угрозе отсчет времени может идти на секунды, а потому опосредованное сообщение через США чревато крупными потерями.

В 2015 г. Республика Корея и Япония провели совместные антипиратские военные учения в Аденском заливе [1].

В 2016 г., после очередных ядерных испытаний КНДР, Советом Безопасности ООН были введены новые санкции для сдерживания угрозы на Корейском полуострове, однако можно встретить утверждения о том, что крупнейшим мировым державам необходимо обратить свое внимание на Пекин, оказать на него некое давление, так как именно КНР является наиболее «дружественным» государством по отношению к Северной Корее [8].

При этом довольно нестабильной можно назвать политику, проводимую бывшим президентом Южной Кореи Пак Кын Хе. Ее отношения с Китаем можно назвать даже несколько дружественными, хотя при этом КНР и США друзьями назвать сложно, а вот Республика Корея и США являются союзниками [1].

Однако после ядерных испытаний КНДР Южная Корея, Япония и США начали активный диалог о размещении в указанных азиатских странах американской системы противоракетной обороны театра военных действий (ПРО ТВД). Эта система – одна из новейших по перехвату баллистических ракет даже в космическом пространстве. В том же году начались переговоры между США и Республикой Корея по поводу ПРО ТВД. Их планировалось развернуть до конца 2017 г.

Таким положением дел были возмущены в Китае и России, так как радары этой системы могут «глубоко просматривать» КНР и «задевать» некоторые районы Российской Федерации. Это несколько дестабилизирует обстановку в регионе, накаляя отношения Японии и Южной Кореи с Россией и Китаем. Это крайне невыгодно всем сторонам.

Однако это дает возможность японскому премьер-министру Синдзо Абэ обосновать укрепление своих позиций и ужесточить курс в сфере безопасности вплоть до пересмотра статьи № 9 Конституции Японии (отказ Японии от войны как способа разрешения международных споров).

По словам руководителя Центра японских исследований Института Дальнего Востока Российской академии наук В. О. Кистанова, Япония не может единолично принимать какие-либо решения относительно действий на Корейском полуострове. Ей приходится действовать там «под присмотром» главных соперников в этом регионе – США и Китая. По мнению этого же эксперта, Япония сейчас находится в таком положении, когда какой бы шаг не был ею предпринят, в любом случае это может привести к негативным последствиям: либо со стороны Китая, России или Северной Кореи, либо со стороны союзников – США и Южной Кореи. Таковы были слова российского эксперта в 2016 г. [6].

Со вступлением в должность нового президента Республики Корея Мун Чжэ Ина в мае 2017 г. ситуация все же несколько изменилась. Новый глава государства сразу известил общественность о своем проамериканском политическом курсе, а также о намерениях мирного сосуществования с Северной Кореей. При нем была приостановлена установка американской противоракетной системы ПРО ТВД, чтобы не усугубить отношения с КНДР. Мун Чжэ Ин совершил полномасштабный визит в Северную Корею. Были проведены успешные переговоры сторон о денуклеаризации Корейского полуострова и возможная перспектива объединения.

Что касается отношений с Японией, то после ядерных испытаний КНДР в начале сентября 2017 г. Мун Чжэ Ин полностью поддержал инициативу Синдзо Абэ по оказанию нажима на Север, так как данные испытания сильно взволновали как Республику Корея, так и Японию. Во время этих испытаний северокорейские ракеты в третий раз пересекали воздушное пространство Японии, пролетев над территорией острова Хоккайдо [3].

Таким образом, начался так называемый северокорейской кризис 2017–2018 гг., где основными противниками вновь стали КНДР с одной стороны, а Южная Корея, Япония и США – с другой. Санкции в отношении Северной Кореи ввели ООН, ЕС, КНР, Тайвань, Россия и даже Швейцария.

Кризис завершился мирно, но без участия Японии: Северная Корея согласилась на переговоры с Южной Кореей (об участии в зимней Олимпиаде-2018 в Пхенчане), после чего состоялся межкорейский саммит. Также были проведены саммиты между США и КНДР (в 2018 г. в Сингапуре, в 2019 г. во Вьетнаме), результатом которых стало соглашение о полной денуклеаризации Корейского полуострова [7].

Выводы: В отношениях Японии со странами Корейского полуострова существует ряд неразрешенных проблем, как общих, так и касающихся исключительно двусторонних отношений. Но, несмотря на это, правительство Японии видит важность мирного регулирования ситуации, поскольку вопросы безопасности затрагивают не только непосредственно эти государства, но и другие страны региона и даже мира.

Таким образом, Япония осуществляет различную политику в отношении Южной и Северной Кореи, но в рамках всего региона японская линия едина и хорошо заметна: международная безопасность превыше всего.

Библиографические ссылки

1. Корейский цугцванг Японии [Электронный ресурс] // Koryo Saram. URL: <https://koryo-saram.ru/korejskij-tsugtsvang-yaponii> (дата обращения: 15.08.2019).
2. Северокорейские СМИ назвали лидера Южной Кореи «женщиной для утешения» [Электронный ресурс] // KP.ru. URL: <https://www.vologda.kp.ru/online/news/1721849/> (дата обращения: 12.08.2019).
3. Синдзо Абэ и Мун Чжэ Ин согласились оказывать нажим на Северную Корею [Электронный ресурс] // DKNNews. URL: <https://dknews.kz/society/152-world/42351-sindzo-abe-i-mun-chzhe-in-soglasilis-okazyvat-nazhim-na-severnuyu-koreyu.html> (дата обращения: 17.08.2019).

4. Шестисторонние переговоры: проблемы и история развития [Электронный ресурс] // Studbooks. URL: https://studbooks.net/2216419/ekonomika/shestistoronnie_peregovory (дата обращения: 15.07.2019).

5. Ядерная программа КНДР [Электронный ресурс] // Koreya24. URL: <http://www.koreya24.ru/o-strane/aderna-programma-kndr/> (дата обращения: 15.07.2019).

6. *Кистанов В. О.* Япония и Корейский полуостров: текущие проблемы отношений [Электронный ресурс] // Cyberleninka. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yaponiya-i-koreyskiy-poluostrov-tekuschie-problemy-otnosheniy> (дата обращения: 09.07.2019).

7. North Korea missile crisis: What you need to know [Electronic resource] // USA Today. URL: <https://www.usatoday.com/story/news/2017/07/05/north-korea-missile-crisis-what-you-need-know/451245001/> (date of access: 15.07.2019).

8. Prospects for the Korean peninsula: Views from Japan and the United States [Electronic resource] // Brookings. URL: <https://www.brookings.edu/events/prospects-for-the-peninsula-views-from-japan-and-the-united-states/> (date of access: 15.08.2019).

Е. О. ПАШКОВСКАЯ

*Белорусский государственный университет; пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь; yelena.pashkovs@gmail.com*

ВЕЛИКОБРИТАНИЯ И КОНЦЕПЦИЯ «МНОГОСКОРОСТНОЙ» ЕВРОПЫ

*Показана сущность и особенности позиции Великобритании по вопросу «много-
скоростной» Европы. Новизна исследования заключается в оценке воздействия кон-
цептуальных подходов европейского строительства на внешнюю политику Велико-
британии и ее участие в процессе европейской интеграции.*

Ключевые слова: Великобритания; Европейский союз; интеграция; концепция
«многоскоростной» Европы.

E. PASHKOVSKAYA

*Belarusian State University; Nezavisimosti ave., 4,
220030, Minsk, Belarus; yelena.pashkovs@gmail.com*

GREAT BRITAIN AND THE CONCEPT OF A MULTI-SPEED EUROPE

*The article reveals the essence and features of the UK's position on the issue of multi-
speed Europe. The novelty of the study is to assess the impact of conceptual approaches
to European construction on the UK's foreign policy and its participation in the European
integration process.*

Keywords: Great Britain; European Union; integration; multi-speed Europe concept.

В 2012 г. при обсуждении мер по преодолению кризиса евро-
зоны все чаще можно было услышать о Европе «двух скоростей» или
«многоскоростной» Европе. Большие опасения по поводу разделе-
ния стран ЕС на несколько групп выражала Великобритания. Госу-
дарство опасалось снижения своего влияния на дела ЕС в условиях
«многоскоростной» Европы. Тем не менее оно внесло свой вклад
в развитие этой концепции и ее последующего признания.

Впервые о «многоскоростной» Европе заговорили в 1970-х. Тогда
возникли предположения, что некоторые страны, входившие в союз,
могут быстрее других двигаться к достижению общих целей. Об этом
в 1974 г. говорил немецкий политик и канцлер ФРГ Вилли Брандт.

Лео Тиндеманс, премьер-министр Бельгии, в докладе Европейской комиссии в 1975 г. отмечал, что в связи с различиями в экономической и финансовой сферах невозможно требовать от стран союза достижения одинакового прогресса интеграции [3].

Учитывая то, что в Европейский союз входят страны разного уровня экономического развития с разными целями интеграции и на разных условиях, хотя некоторые страны не входят в зону Шенгена или еврозону, а также выборочно участвуют в общем рынке, – логично предположить, что все они не могут развивать интеграцию по одному сценарию и на одной «скорости».

При оценке влияния «многоскоростной» Европы на развитие ЕС выделяется ряд положительных и отрицательных сторон. Негативными чертами являются: противоречие основообразующим принципам ЕС, угроза единству стран, усложнение и так бюрократичной структуры союза [2]. Более того, такая форма интеграции может привести к тому, что отдельные государства будут больше фокусироваться на краткосрочных политических интересах, а не долгосрочных преимуществах интеграции [1]. Положительные черты можно выделить следующие: возможное укрепление интеграции между странами, активно к этому стремящимися, развитие интеграции по своим сценариям и со своей скоростью, поскольку у каждой страны имеется своя специфика в экономической и политической сферах [2].

Великобритания, традиционно придерживаясь политики «баланса сил», была противницей «многоскоростной» Европы. Опасение вызвало разделение стран на передовые и догоняющие, где Великобритания оказалась бы во второй группе, а страны еврозоны – в первой. Это вызвало бы снижение влияния Соединенного Королевства на деятельность ЕС, особенно в важных для Лондона экономической и финансовой сферах. Это произошло после наложения Д. Кэмероном вето на Фискальный пакт, который позже был принят странами еврозоны. Во многом это положение вызвано именно избирательностью участия Великобритании в европейской интеграции, прагматичным подходом к ней, с акцентом на национальные интересы, и злоупотреблением своим особым положением в Европейском союзе. В то же время Германией подчеркивалась важность участия Соединенного Королевства в обсуждении путей выхода из экономического кризиса. Принятие же Бюджетного пакта только странами еврозоны было продиктовано потребностью быстро предпринять необходимые для преодоления кризиса меры.

После решения народа Великобритании покинуть ЕС европейские лидеры признали факт существования «многоскоростной» Европы и попытались найти приемлемые способы дальнейшего развития ЕС. Перед странами союза возник вопрос о его сохранении и трансформации. Была признана концепция «многоскоростной» Европы, о чем говорилось в выступлениях Э. Макрона [4]. Брексит обнажил проблемы ЕС, что в перспективе приведет или к большей консолидации Европы без «неудобного партнера», или к ее федерализации.

Библиографические ссылки

1. *Dabrowski M.* The mixed blessing of the “multi-speed” EU. *World Commerce Review*. 2017. P. 8–16.
2. Arguments for and against a multi-speed Europe [Electronic resource] // *Debating Europe*, 2019. URL: <https://www.debatingeurope.eu/focus/arguments-for-and-against-a-multi-speed-europe/#.XQQKstx1PIW> (date of access: 14.06.2019).
3. *Gillespie P.* The Euro crisis. *Ins and Outs – Multi-speed Europe?* Institute of International and European Affairs. 2011.
4. *Macron E.* Dear Europe, Brexit is a lesson for all of us: it’s time for renewal [Electronic resource] // *The Guardian*, 2019. URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2019/mar/04/europe-brexit-uk> (date of access: 10.09.2019).

С. Ф. СВИЛАС

Белорусский государственный университет; пр. Независимости, 4,
2200030, Минск, Беларусь; svilas@tut.by

МАКРО- И МИКРОИСТОРИЧЕСКИЙ ПОДХОДЫ В ИССЛЕДОВАНИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

История международных отношений рассматривается как одно из направлений международных исследований и исторической науки, при этом подчеркнута важность реализации принципа междисциплинарности для повышения достоверности результатов. Определены причины возникновения и развития микроистории, выделены ее видные представители, интерпретаторы и критики. Отмечается синтез макро- и микроисторических подходов в творчестве Ф. Броделя и М. Вебера. На примере изучения внешнеполитической деятельности Белорусской ССР в ЮНЕСКО в годы хрущевской оттепели автор обосновывает необходимость сочетания макро- и микроисторического подходов в целях усиления достоверности исследования. Практическая значимость работы – в возможности использования для повышения уровня методологической и методической подготовки студентов, магистрантов и аспирантов.

Ключевые слова: междисциплинарность в международных исследованиях; парадигмы в теории международных отношений; формационная и цивилизационная модели объяснения истории; макро- и микроисторический подходы; школа «Анналов»; внешнеполитическая деятельность Белорусской ССР; хрущевская оттепель.

S. SVILAS

Belarusian State University; Nezavisimosti ave., 4,
220030, Minsk, Belarus; svilas@tut.by

MACRO- AND MICROHISTORICAL APPROACHES IN THE RESEARCH OF INTERNATIONAL RELATIONS

The history of international relations is considered to be one of the areas of international research and historical science, wherein the importance of implementing the principle of interdisciplinarity to increase the reliability of the results is emphasized. The causes of the emergence and development of microhistory are determined, its prominent representatives, interpreters and critics are described. The synthesis of macro- and microhistorical approaches in the works of F. Braudel and M. Weber is shown. On the example of studying the foreign policy of the Belarusian SSR in UNESCO during the Khrushchev Thaw, the author explains the need to combine macro- and microhistorical

approaches in order to enhance the reliability of the study. The practical significance of the work lies in the possibility of being used to increase the level of methodological and methodical training of students, undergraduates and graduate students.

Keywords: *interdisciplinarity in international studies; paradigms in the theory of international relations; formation and civilizational models for explaining history; macro- and microhistorical approaches; Annales school; foreign policy activities of the Byelorussian SSR; Khrushchev Thaw.*

Исследования международных отношений включают примерно три десятка направлений, в том числе философию МО; историю МО; анализ субъектов МО; исследование международных взаимодействий (войн и конфликтов, партнерства и сотрудничества, международной безопасности и стабильности); анализ институций МО (международных организаций, наднациональных структур, международно-политических режимов); исследование систем МО; социологию МО; кодификацию МО (международное право и его развитие); глобалистику, прикладные теории и направления. В 1990-е гг. оживился интерес к экономическому аспекту международных отношений. Увеличилось количество исследований тех практических сторон МО, значение которых в условиях глобализации заметно возросло (мировой океан, проблематика устойчивого развития, критерии легитимности новых государственных образований, энергетика как международно-политический фактор и др.). Каждое из этих направлений обладает высокой мерой специализации, и эксперты могут не понимать друг друга [1]. Вместе с тем международным исследованиям, хотя и в разной степени, но присущи меж- и полидисциплинарность.

История международных отношений признается и развивается как полноправное направление в международных исследованиях, ориентируясь на такие основные парадигмы в теории международных отношений, как реализм, либерализм и марксизм, а также на наиболее известные модели объяснения истории (формационную и цивилизационную) [2]. По оценке видного методолога истории Б. Г. Могильницкого, эти две модели сложились в рамках макро- и микроисторического подходов. Как известно, в 1960-е гг. термин «микроистория» впервые использовал Ф. Бродель, причем в негативном смысле. Он выделял *событийную историю* (историю эфемерных событий), противопоставляя ее микросоциологии; *конъюнктурную историю*, ограниченную экономическими циклами; *структурную историю*, охватывающую столетия [3]. Вместе с тем автор глобальной истории был мастером исторической де-

тали. По оценке Б. Г. Могильницкого, творчество Ф. Броделя – вершина сочетания макро- и микроподходов. Следует подчеркнуть, что Б. Г. Могильницкий рассматривал также наследие М. Вебера как оптимальный для своего времени опыт взаимопереплетения макро- и микроанализа [4; 5].

С конца 1970-х гг. микроистория («не разглядывание малого, а рассмотрение в подробностях» – Дж. Леви) развивается как новое направление в исторических исследованиях. Отцы-основатели – итальянские историки Дж. Леви, К. Гинзбург, С. Черутти, Э. Гренди, выпустившие двадцатитомную серию под общим названием «Микроистория». Одним из авторитетов для них стал Л. Н. Толстой, который при реконструкции Бородинского сражения считал важным отразить чувства его участников. Микроисторики призывают не упустить индивидуальное, обыкновенное исключительное. Исторические реконструкции и интерпретации осуществляются микроисториками благодаря концентрации на ограниченном поле, что способствует качественному расширению возможностей исторического познания. Однако не все можно рассмотреть под микроскопом: чем выше уровень обобщения, тем более отвлеченной становится историческая реальность [6–8].

Микроистория как исследовательское направление и исследовательский подход является предметом анализа целого ряда зарубежных ученых, среди которых отметим российского историка И. Б. Орлова с представленной в интернете статьей «Микроистория: “атомизация” исторической реальности или ее иной образ?» (2010 г.). Споры о статусе микроистории, а также связи с «большой историей» не прекращаются, а стимулом для ее развития стал интерес к локальной и региональной истории, истории повседневности, разочарование в школе «Анналов», из исследований которой пропал отдельный человек, неудовлетворенность результатами применения количественных методов [9; 10].

Микроанализ не существует в чистом виде, а реализуется посредством использования потенциала биографий людей, занимавшихся, например, политической и дипломатической деятельностью, их мемуаров, публицистики и художественного творчества, коллективной биографии (МИДа, посольств, представительств), анализа политического и дипломатического дискурса, истории повседневной жизни. Российский философ Э. Я. Баталов впервые в историографии предпринял попытку рассмотреть международные отношения в антропологическом аспекте [11].

В 2015 г. в переводе на русский язык вышла книга профессора Пенсильванского университета Р. Коллинза «Макроистория: очерки социологии большой длительности», предсказавшего распад Советского Союза за десятилетие до этого события [12]. Родившись в семье дипломата, в конце 1940-х гг. он вместе с родителями жил в Москве, а впоследствии получил блестящее образование, в том числе в Гарвардском университете. По Р. Коллинзу, гибель СССР была обусловлена во многом случайным совпадением недостатков советской системы (большие военные расходы, фискальное напряжение, раскол элит). Советский Союз не выдержал ресурсного напряжения, связанного с чрезмерным расширением сферы влияния [12].

Профессор Забайкальского университета философ Д. В. Трубицын, выступая критиком социологии большой длительности (2018), отмечал трудности социологических исследований долговременных исторических процессов (модернизация, индустриализация, демократизация, глобализация), хотя и считал полезным использовать их результаты, но в синтезе и критически. Он подчеркивал необходимость проведения эмпирических исследований при выдвижении новых концепций. По мнению этого автора, причина распада СССР – экономический кризис, слабость предпринимательства, давление государственных структур на экономику, падение уровня жизни, разочарование людей в социализме. Треть ВВП Советский Союз тратил на оборону, а США – только 6 % при том, что Соединенные Штаты в десятки раз были экономически сильнее. Советская модель социализма исчерпала себя: в течение пяти последних лет советской истории отсутствовал прирост материального производства, производительность труда была в пять раз ниже, чем в США; распад стал неизбежным [13].

Важно не забывать о многообразии подходов в международных исследованиях, в частности, использовании возможности съемок ближним и крупным планом (если они, конечно, оправданы тематически). Микроисторические работы и исторические макронарративы не противоречат другу. Выдающийся французский историк Марк Блок считал плодотворным постоянный переход историка с одного уровня исследования на другой [14]. Российский медиевист Ю. Л. Бессмертный сравнивал микроисторию и макронарратив с двумя глазами, дающими вместе объемное зрение [15].

Как уже отмечалось, представители школы «Анналов» пренебрежительно относились к событиям и короткому времени (рассказ о событиях прошлого Марк Блок называл эмбриональной формой истории), изучали историю большой длительности, однако с середины 1970-х гг. третье поколение «Анналов» возвращает событие в историческую проблематику, растет число конкретных исследований, причем эта тенденция *продолжается*. Докладчик разделяет мнение, что наиболее приемлемым для целостного освоения отдельным историком является небольшой исследовательский объект, в рамках которого историк в состоянии освоить источниковую базу. Концентрация внимания на сравнительно небольших объектах помогает их всестороннему, подробному и глубокому изучению, тем более когда речь идет о национальной истории [16]. Не снижать внимания к истории белорусского народа в советский период призывает академик М. П. Костюк [17].

По нашему убеждению, период оттепели в советской истории, который продолжает выделяться современной российской и западной историографией, стал чрезвычайно важным для белорусской дипломатии: сформировалась система внешнеполитической деятельности Белорусской ССР, был заложен фундамент, на котором строится внешняя политика и дипломатия суверенной Беларуси. Вступление СССР, УССР, БССР в целый ряд авторитетных межправительственных международных организаций открыло новый этап в развитии советской дипломатии, характеризовавшийся большей открытостью, реализмом и конструктивностью. В указанный период сформировалась система взаимодействия республики с ООН и ее специализированными учреждениями: открыто Представительство БССР при ООН в Нью-Йорке, белорусский сотрудник введен в штат Постоянного представительства СССР при Европейском отделении ООН в Женеве, создан институт Постоянного представителя БССР при ЮНЕСКО; первые белорусские сотрудники стали работать по квоте республики в Секретариатах ООН и ЮНЕСКО, сложились конференционные и внеконференционные формы сотрудничества БССР с организациями системы ООН, началось более активное участие республики в формировании их нормативно-правовой базы. В условиях советской федерации, не будучи суверенным государством, республика являлась заметным субъектом международных отношений, накапливала опыт

самостоятельного поведения, что нашло подтверждение в изданной к 20-летию МИД БССР монографии его сотрудников «Белорусская ССР на международной арене» [18].

В начале XX в. историк науки Пьер Дюэм разделил научные *теории* на два типа: описание и объяснение. Описание оперирует прежде всего частным (единичным), объяснение – типичным. Историческое знание может быть и преимущественно описанием, и преимущественно объяснением, а также представлять эти *два типа теории* в любой пропорции. До начала XX в. знание в форме описания именовали «фактография», а знание в форме объяснения – «теория», хотя в описательном дискурсе есть элементы объяснения, анализируются проблемы, и наоборот [8].

В докторской диссертации докладчика внешнеполитическая деятельность Белорусской ССР рассматривается как цельная система, складывающаяся из совокупности форм и направлений, а также как элемент систем – внешней политики Советского Союза и биполярной системы международных отношений. В исследовании применен и микроисторический подход, позволяющий увидеть большое в малом: выявление механизма принятия решений на союзном и республиканском уровнях по вопросам внешнеполитической деятельности Белорусской ССР; изучение повседневной жизни дипломатов и отношений между ними, программ приема зарубежных дипломатов и туристов, представительских расходов белорусских делегаций, тиражей и цен на издания по международной проблематике, количественного и качественного состава участников форумов и т. д. [19].

Авторитетный российский методолог истории Л. Н. Мазур высказывал мнение о том, что представление об историке как «универсальном» исследователе – это утопия: «В одном случае значимый результат исследования может быть связан с получением новых фактов, созданием более полной и детальной картины прошлого на основе ювелирной работы с историческими источниками. В другом – сильная сторона ученого проявляется в разработке теоретических явлений, анализе его внутренних закономерностей. В третьем – раскрываются возможности новых методов исследования применительно к исторической проблематике. Быть универсалом в современной научной среде очень сложно и доступно единицам, хотя стремиться к этому следует» [10].

Библиографические ссылки

1. Основы общей теории международных отношений : учеб. пособие / под ред. А. С. Маныкина. М. : МГУ, 2009.
2. Бордачев Т. В., Зиновьева Е. С., Лихачева А. Б. Теория международных отношений в XXI веке : учебник. М. : Междунар. отношения, 2015.
3. Бродель Ф. Очерки истории. М. : Акад. проект, 2018.
4. Могильницкий Б. Г. История исторической мысли XX века : курс лекций. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2001. Вып. I: Кризис историзма.
5. Могильницкий Б. Г. История исторической мысли XX века : курс лекций. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2003. Вып. II: Становление новой исторической науки.
6. Адо А., Патрушев А., Дементьев И. Историческая наука в XX веке. Историография истории нового и новейшего времени. М. : Анабасис, 2007.
7. Репина Л. П., Зверева В. В., Парамонова М. Ю. История исторического знания : учеб. пособие для бакалавров / под общ. ред. Л. П. Репиной. 4-е изд., испр. и доп. М. : Юрайт, 2013.
8. Савельева И. М., Полетаев А. В. Теория исторического знания. СПб. : Алетейя ; М. : ГУ ВШЭ, 2008.
9. Теория и методология исторической науки: терминологический словарь / ред. А. О. Чубарьян. М. : Аквилон, 2014.
10. Мазур Л. Н. Методы исторического исследования. Екатеринбург : Урал. ун-т, 2010.
11. Баталов Э. Я. Антропология международных отношений. М. : Аспект Пресс, 2018.
12. Коллинз Р. Макроистория: очерки социологии большой длительности. М. : УРСС : ЛЕНАНД, 2015.
13. Трубицын Д. В. Макроистория: критика социологии большой длительности // СОЦИС. 2018. № 2. С. 35–44.
14. Блок М. Апология истории, или ремесло историка. М. : Наука, 1973.
15. Бессмертный Ю. Л. «Анналы»: переломный этап? // Одиссей. Человек в истории. М. : Наука, 1991. С. 7–24.
16. Очерки истории отечественной исторической науки XX века / под ред. В. П. Корзун. Омск : Изд-во ОмГУ, 2005.
17. Касцюк М. П. Шлях да ісціны: гістарычная навука Беларусі ў канцы XX – пачатку XXI ст. Мінск : Экаперспектыва, 2015.
18. Свилас С. Ф. Деятельность Белорусской ССР в ЮНЕСКО (1954–1964 гг.). – Минск : БГУ, 2013.
19. Свилас С. Ф. О методологии исследования деятельности Белорусской ССР в ЮНЕСКО (1954–1964 гг.) // Метадалогія даследавання гісторыі Беларусі: праблемы, дасягненні, перспектывы : зб. навук. артыкулаў / Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т гісторыі ; уклад. В. В. Яноўская ; рэдкал.: В. В. Даніловіч (гал. рэд.) [і інш.]. Мінск : Беларус. навука, 2018. С. 132–140.

У. Е. СНАПКОЎСКИ

*Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт; пр. Незалежнасці, 4,
220030, Мінск, Беларусь; ulsnap44@inbox.ru*

АБ РОЛІ І ЗНАЧЭННІ ЎНУТРАНЫХ І ЗНЕШНІХ ФАКТАРАЎ У ГІСТОРЫІ ЗНЕШНЯЙ ПАЛІТЫКІ БЕЛАРУСІ

Разглядаюцца роля і значэнне ўнутраных і знешніх фактараў у гісторыі знешняй палітыкі Беларусі, пачынаючы з першых гістарычных форм беларускай дзяржаўнасці і заканчваючы яе апошняй нацыянальнай формай – Рэспублікай Беларусь. Адзначаецца важнае значэнне вонкавага асяроддзя для ўзнікнення, развіцця і заняпаду беларускіх дзяржаў, што было абумоўлена перш за ўсё іх геапалітычнай пазіцыяй на мяжы дзвюх культур і цывілізацый – заходняй і ўсходнеславянскай. Робіцца выснова аб тым, што шэраг асаблівасцей гістарычнага развіцця розных форм беларускай дзяржаўнасці (размяшчэнне паміж Усходам і Захадам; этнічная, канфесіянальная, моўная падзеленасць беларускага народа і эліт; іх уразлівасць і падатнасць да знешніх уплываў і інш.) прадвызначылі пэўную слабасць унутранага фактара развіцця Беларусі перад знешнім.

Ключавыя словы: *гісторыя беларускай дзяржаўнасці; знешнепалітычная гісторыя Беларусі; унутраныя і знешнія фактары развіцця беларускіх дзяржаў; геапалітычнае становішча Беларусі.*

U. SNAPKOUSKI

*Belarusian State University; Nezavisimosti ave., 4,
220030, Minsk, Belarus; ulsnap44@inbox.ru*

ON THE ROLE AND IMPORTANCE OF INTERNAL AND EXTERNAL FACTORS IN THE HISTORY OF BELARUS' FOREIGN POLICY

The article discusses the role and importance of internal and external factors in the history of Belarus' foreign policy from the early historical forms of the Belarusian statehood to its last national form – Republic of Belarus. The importance of the environment for the emergence, development and decline of the Belarusian states, which was primarily due to their geopolitical position at the interface of two cultures and civilizations – Western and Eastern Slavic are notes. The conclusion is that a number of features of the historical development of different forms of the Belarusian Statehood (location between East and West, ethnic, religious, linguistic separation of the Belarusian

people and the its elites, their vulnerability and intractability to external influences, and others) predestined to a certain weakness of the internal factors of development of Belarus before the external ones.

Keywords: *history of the Belarusian statehood; foreign policy history of Belarus; the internal and external factors of development of the Belarusian states; the geopolitical situation of Belarus.*

Гісторыя знешняй палітыкі – важная, неад’емная частка гісторыі беларускай дзяржаўнасці і ўсёй гісторыі Беларусі. У адпаведнасці са сваім аб’ектам і прадметам яна накіравана на даследаванне і вывучэнне знешніх праяў (кірункаў, форм, сродкаў і метадаў) дзяржаўнай палітыкі беларускіх дзяржаў. У гэтым сэнсе знешняя палітыка мае сваім антыподам унутраную палітыку, якая ахоплівае значна шырэйшае кола прадметна-аб’ектных адносін (эканамічная, сацыяльная, культурная і іншыя віды палітыкі). Дзяржаўная палітыка ўяўляе сабой сукупнасць унутранай і знешняй палітыкі, пры гэтым, як правіла, унутраная палітыка мае прыярытэт над знешняй, што абумоўлена многімі прычынамі, перш за ўсё згаданым вышэй шырэйшым колам прадметна-аб’ектных адносін. У пэўныя гістарычныя моманты, асабліва ў час войнаў ці сур’ёзных міждзяржаўных канфліктаў, знешняя палітыка можа адыгрываць дамінуючую ролю ў дзяржаўнай палітыцы, аднак у больш працяглыя перыяды ўнутраная палітыка вяртае сабе прыярытэт над знешняй.

У гісторыі розных дзяржаў суадносіны паміж унутранай і знешняй палітыкай не былі аднолькавымі і прапарцыянальнымі. Некаторыя буйныя і моцныя дзяржавы, як, напрыклад, ЗША ў XIX – пачатку XX ст. ці імператарскі Кітай, з’яўляліся самадастатковымі ў сілу геапалітычнага становішча і маглі ўпэўнена развівацца без актыўнай знешняй палітыкі, праводзячы палітыку ізаляцыянізму ці самаізаляцыі ад знешняга свету. Праўда, XX ст., асабліва яго другая палова з моцнай тэндэнцыяй да глабалізацыі і ўзаемазалежнасці, зрабіла правядзенне такой палітыкі немагчымым. Прыклад сучасных сярэдніх еўрапейскіх дзяржаў, блізкіх па памерах да Рэспублікі Беларусь, паказвае важную ролю знешняй, у тым ліку знешнеэканамічнай, палітыкі ў іх развіцці. У Бельгіі і Нідэрландах доля знешняга гандлю ў нацыянальным валавым прадукце складае больш за 60 %, і гэта моцна ўплывае на іх унутраную і знешнюю палітыку.

Аб ролі і значэнні ўнутраных і знешніх фактараў у гісторыі Беларусі несумненна задумваліся і дзяліліся сваімі канцэптуальнымі назіраннямі ў абагульняючых працах, выдадзеных ці напісаных ў пачатку XX ст., стваральнікі нацыянальнай гістарычнай школы

(У. Ігнатоўскі, М. Доўнар-Запольскі, В. Ластоўскі, У. Пічэта, А. Цвікевіч і інш.). Найбольш выразна свае погляды і падыходы па гэтых тэарэтычных пытаннях, якія тычыліся перыядызацыі айчыннай гісторыі і ролі Расіі ў часы сярэднявечавай і новай гісторыі Беларусі, выклаў У. Ігнатоўскі.

У прадмове да трэцяга выдання сваёй кнігі «Кароткі нарыс гісторыі Беларусі» (1921 г.) У. Ігнатоўскі акрэсліў сваё метадалагічнае крэда адносна вывучэння Расіі і Беларусі як буйной і малой па памерах краін. Гаворачы аб ігнараванні ў самадзяржаўнай Расіі ўсяго таго, «што насіла на сабе адзнакі мясцовага ці нацыянальнага характару», гісторык развіваў сваю думку наступным чынам: «Усё вялікае, агульнае ставілася замест дробнага, мясцовага і нацыянальнага. Панавала ідэя імперыялізму. З афіцыйнага боку існавала палітычна і культурна толькі адзіная і непадзельная Расія, якая ведала і падтрымлівала адзіную і непадзельную гісторыю, агульна-рускую гісторыю царска-панскага кірунку». Задачу беларускіх гісторыкаў ён бачыў у тым, каб «з гары спусьціцца ўніз, каб тут, унізе, а не з вышыні птушынага лёту, рабіць нашу працу», «каб працаваць над тым, што здаецца нам невялікім і дробным» [2, с. 21]. Такім чынам, адзін з заснавальнікаў беларускай гістарычнай школы падкрэсліў важнасць і неабходнасць даследавання гісторыі такіх невялікіх ці сярэдніх па еўрапейскіх памерах краін, як Беларусь. Як вядома аднак, гэты прынцып не мог быць рэалізаваны ў савецкі час, калі гісторыя Беларусі (гісторыя БССР) лічылася неад’емнай часткай гісторыі Расіі (гісторыі СССР), а яе вывучэнне і даследаванне не мела самастойнага пазнавальнага і навуковага значэння.

Для першых гістарычных форм беларускай дзяржаўнасці (зямельна-княстваў і ВКЛ) вонкавае асяроддзе мела важнае значэнне, што было абумоўлена перш за ўсё іх геапалітычнай пазіцыяй на мяжы дзвюх культур і цывілізацый – заходняй і ўсходнеславянскай. Узнікненне і развіццё старажытнабеларускіх княстваў, галоўным сярод якіх было Полацкае княства, а потым – ВКЛ, адбывалася ў выніку складанага ўзаемадзеяння ўнутраных і знешніх фактараў, што дэманстравала іх супярэчлівае перапляценне і ўзаемаўплывы, а роля ўнутранай і знешняй палітыкі на розных гістарычных этапах мянялася. Гэта асабліва добра бачна на прыкладзе Вялікага Княства Літоўскага, якое ў перыяд станаўлення і росквіту (XIV–XV ст.) праводзіла актыўную, наступальную знешнюю палітыку, а вонкавае асяроддзе пасля разгрому Тэўтонскага ордэна пад Грунвальдам не ўяўляла для гэтай дзяржавы нейкай істотнай небяспекі. Становішча змянілася ў XVI ст., калі пагроза

з усходу ў выглядзе Маскоўскай дзяржавы стала сур'ёзным выклікам для існавання беларуска-літоўскай дзяржавы. Каб зменшыць яе, кіруючыя колы ВКЛ уступілі ў федэратыўны саюз з Польшчай, што было для іх меншым злом у параўнанні з рэальнай перспектывай пройгрышу ў Лівонскай вайне.

Ключавой падзеяй у гісторыі Беларусі, Літвы, Польшчы і Украіны была Люблінская унія 1569 г., 450-годдзе якой было ўрачыста адзначана ў 2019 г. Аб'яднанне ВКЛ і Польшчы ў федэратыўную дзяржаву Рэч Паспалітую застаецца прадметам гістарыяграфічных спрэчак і дыскусій. У беларускай гістарыяграфіі, як пачатку XX ст., так і савецкіх часоў, Люблінская унія трактавалася пераважна як адмоўная падзея, якая прывяла да заняпаду ВКЛ, паланізацыі і акаталічвання шляхты. У сучаснай гістарыяграфіі стварэнне Рэчы Паспалітай ацэньваецца больш збалансавана з улікам яе значных гістарычных дасягненняў. Яны асабліва добра бачны з пазіцый знешняй палітыкі і міжнароднага становішча ВКЛ, паколькі заключэнне Люблінскай уніі дазволіла аб'яднаць сілам Княства і Кароны выграць Лівонскую вайну [4, с. 364–369]. Пазнейшай платой за перамогу стала дээтнізацыя літвінскай шляхты і грамадства. Аднак альтэрнатыва была яшчэ горшай – ужо ў XVI ст. ВКЛ магло быць далучана да Рускай дзяржавы Івана Жахлівага.

У беларускай гістарыяграфіі негатыўныя вынікі і наступствы Люблінскай уніі звязваюцца, як правіла, з польскай феадальнай і каталіцкай экспансіяй і ў пэўнай меры з унутранай палітыкай кіруючых колаў ВКЛ і вялікіх князёў літоўскіх [1, с. 27–28]. Такія падыходы і ацэнкі былі закладзены ў працах згаданых вышэй пачынальнікаў нацыянальнай гістарыяграфіі, якія, у сваю чаргу, адчувалі ўплыў заходнерускай гістарычнай школы XIX – пачатку XX ст. (М. Любаўскага, А. Праснякова, І. Лапы і інш.).

Найбольш востра Люблінскую унію і створаную на яе падставе Рэч Паспалітую крытыкаваў У. Ігнатоўскі. Ён пісаў, што Беларусь была інкарпаравана ў дзяржаўны арганізм Рэчы Паспалітай, аб чым, на яго думку, сведчыла назва новай дзяржавы «Польская Рэч Паспалітая» [2, с. 135], што ўяўляецца нам пэўнай нацяжкай (сцвярджэнне аб інкарпарацыі). Гісторык памылкова лічыў Рэч Паспалітую адзінай, непадзельнай (фактычна ўнітарнай) дзяржавай, на што звярнуў увагу сучасны беларускі гісторык А. Грыцкевіч у прадмове да 5-га выдання «Кароткага нарыса» [2, с. 14]. На самай справе гэта была федэрацыя дзвюх дзяржаў з адным каралём (ён жа вялікі князь літоўскі), адным

парламентам – соймам, адзінай знешняй і ваеннай палітыкай, што ў значнай ступені нагадвала канфедэрацыю. Пры гэтым ВКЛ і Польшча захавалі асобную дзяржаўную адміністрацыю, войска, фінансы, законы, мытную справу, дзяржаўныя мовы (лацінскую і старабеларускую).

У. Ігнатоўскі, развіваючы сваю думку аб доўгатэрміновых і пераважна шкодных уплывах Польшчы на «Літоўска-Беларускае гаспадарства», што ішлі ад часоў Крэўскай уніі, прыходзіць да наступнай высновы: «Палітычная незалежнасць Літвы і Беларусі на аснове Люблінскага акту была знішчана» [2, с. 135]. Але праз некалькі сказаў гісторык супярэчыць самому сабе, сцвярджаючы, што незалежнасць «Літоўска-Беларускага гаспадарства» фактычна яшчэ доўга існуе, што выяўляецца і ў юрыдычных актах, маючы на ўвазе Статут ВКЛ 1588 г. Паводле яго слоў, самастойнасць Літвы і Беларусі (ВКЛ) асабліва праяўлялася падчас бескаралеўяў і зносін з чужаземнымі гаспадарамі. У іншым месцы Ігнатоўскі піша пра «абмежаванне палітычнай незалежнасці» ВКЛ у выніку падпісання Люблінскай уніі [2, с. 135–136], што таксама азначае карэкціроўку ўласнага катэгарычнага сцвярджэння пра знішчэнне палітычнай незалежнасці Вялікага Княства Літоўскага.

З абвяшчэннем незалежнасці Беларусі гістарычная навука стала важнай часткай гістарычнай палітыкі, з дапамогай якой улады шукалі ўмацавання сваёй легітымнасці [10, с. 400–423]. Прэзідент Беларусі А. Лукашэнка ў лекцыі «Гістарычны выбар Рэспублікі Беларусь» перад студэнтамі і выкладчыкамі БДУ 14 сакавіка 2003 г. выступіў супраць ідэалізацыі ВКЛ, у гістарычным развіцці якога, на яго думку, пераважалі негатыўныя тэндэнцыі, звязаныя з прыцясненнем праваслаўнага насельніцтва і горшымі ўмовамі жыцця для беларусаў. Ацэньваючы Люблінскую унію, ён спаслаўся на словы У. Ігнатоўскага, які казаў, што апошняя «шырока адчыніла браму для польскага ўплыву». Сам А. Лукашэнка назваў гэты дакумент «юрыдычным афармленнем паглынання Польшчай Літоўскага княства» [11].

Паводле слоў прэзідэнта, негатыўныя ўрокі гісторыі для беларусаў у час знаходжання ВКЛ у складзе Рэчы Паспалітай заключаліся ў наступных падзеях: 1) Брэсцкая царкоўная ўнія 1596 г., накіраваная на нейтралізацыю ўплыву праваслаўнай рэлігіі; 2) забарона польскімі ўладамі ў 1696 г. выкарыстання старабеларускай мовы ў службовым справаходстве ВКЛ; 3) войны ВКЛ, а потым Рэчы Паспалітай з Маскоўскай дзяржавай (Расіяй), якія часам пераўтвараліся ў прадмет сучасных палітычных спекуляцый. З іншага боку, А. Лукашэнка пазітыўна расцаніў уключэнне ўсходнеславянскіх зямель

у склад Расійскай імперыі, што адбылося ў выніку падзелаў Рэчы Паспалітай: «Включение восточнославянских земель в состав Российской империи тогда имело для белорусского этноса спасительный характер. Прогрессивное значение заключалось в том, что была ликвидирована шляхетская анархия, кровавые разборки между шляхтой, от которых страдал в первую очередь простой народ» [11].

Выказаныя ацэнкі і падыходы былі абумоўлены новай гістарыяграфічнай канцэпцыяй і новай гістарычнай палітыкай, якія сталі праводзіцца ў жыццё з сярэдзіны 1990-х гг. [8, с. 3–7]. Аднак і яны не заставаліся нязменнымі, адчуваючы ўплывы навакольнага асяроддзя (гістарычнай палітыкі Расіі, Польшчы і Літвы) і нацыянальнай плыні ў асяроддзі беларускіх гісторыкаў. Узважаная, кампрамісная ацэнка Люблінскай уніі і існаванню Рэчы Паспалітай як федэратыўнай польска-літвінскай дзяржавы даецца ў абагульняючых працах па гісторыі Беларусі: шасцітомнай «Гісторыі Беларусі» і пяцітомнай «Гісторыі беларускай дзяржаўнасці».

Падзелы Рэчы Паспалітай і далучэнне беларускіх зямель да Расійскай імперыі засведчылі перавагу знешняга фактару (трох дзяржаў-заборцаў) над унутраным (іманентнай слабасцю польска-літвінскай дзяржавы). Развіццё беларускіх тэрыторый (губерняў) у складзе Расійскай дзяржавы, якую сучасная беларуская гістарыяграфія ў выглядзе «Гісторыі беларускай дзяржаўнасці» залічвае да адной з гістарычных форм беларускай дзяржаўнасці [5, с. 3–4], таксама дэманструе супярэчлівае ўзаемадзеянне ўнутраных і знешніх фактараў. З аднаго боку, ішлі аб'ектыўныя працэсы фармавання беларускай нацыі і нацыянальнага руху з яго стратэгічнай мэтай аўтаноміі для Беларусі ў складзе Расійскай федэратыўнай дэмакратычнай дзяржавы. Гэта супярэчыла асновам расійскага дзяржаўнага існавання з яго бачаннем беларусаў і ўкраінцаў у складзе адзінага рускага суперэтнасу ці агульнарускага народа [12, с. 165–170 і інш.]. З другога боку, землі былога ВКЛ (беларускія, літоўскія, украінскія) выконвалі ролю стратэгічнага фарпоста Расіі на заходнім кірунку, што праявілася падчас напалеонаўскіх войнаў і Першай сусветнай вайны). Аднак, як аказалася, малодшыя славянскія браты (украінцы і беларусы) не зусім добра выконвалі гэту місію, падтрымліваючы ў масавым парадку Напалеона ці германскага імператара [13, с. 223–225].

Першыя дзве формы нацыянальнай дзяржаўнасці ў XX ст. (БНР і БССР) узніклі дзякуючы перш за ўсё спрыяльнаму збегу міжнародных абставін. Абвяшчэнне БНР стала магчымым у выніку распаду Расійскай імперыі і адыходу большавікоў з большай часткі Беларусі;

утварэнне БССР – палітыкі савецкай Расіі. Гэтымі спрыяльнымі абставінамі скарысталіся (іншая справа – наколькі паспяхова) беларускія нацыянальна-патрыятычныя, унутрыпалітычныя сілы: Беларуская сацыялістычная грамада ў выпадку БНР, нацыянал-камуністы ў выпадку БССР. Канстытуіраванне БНР ішло больш натуральным шляхам (ад Усебеларускага з’езда праз тры Устаўныя граматы да абвяшчэння незалежнасці 25 сакавіка 1918 г.) і ўнутраны фактар (нацыянальныя адраджэнцы, прыхільнікі незалежнасці) адыгрываў вырашальную ролю ў абставінах, калі ў Мінску пасля адыходу большавікоў узнік вакуум улады. Зусім іншым шляхам ішоў працэс канстытуіравання БССР, узнікненне якой было рэакцыяй РСФСР на абвяшчэнне і дзейнасць БНР, і таму палітыка ленінскага ўрада (знешні фактар) адыграла вырашальную ролю ў стварэнні беларускай савецкай рэспублікі.

Пазней знешні фактар паказаў сваё дамінуючае значэнне ў палітыцы і лёсах БНР (адыход нямецкіх войскаў з тэрыторыі Беларусі, вяртанне большавікоў, дваістая палітыка Польшчы, непрызнанне з боку дзяржаў Антанты). Знешні фактар (залежнасць ад савецкай Расіі) дыктаваў унутраную і знешнюю палітыку БССР і прывёў рэспубліку ў склад СССР. Зразумела, што апісаная вышэй схема ўзаемадзеяння і ўзаемаўплыву ўнутраных і знешніх фактараў у працэсах нацыянальна-дзяржаўнага будаўніцтва на тэрыторыі Беларусі ў 1917–1922 гг. вельмі спрошчаная і не можа адлюстравать усяго багацця вектараў дзейнасці ўнутраных і знешніх сіл, накіраванай унутр Беларусі ці наадварот па-за яе межы і пры гэтым цесна пераплеценай паміж сабой. Са значна большай паўнатай і глыбінёй адлюстравання дынамікі развіцця ўнутраных і знешніх падзей гэтыя працэсы апісаны ў трэцім томе «Гісторыі беларускай дзяржаўнасці» [6, с. 3–5, 611–613].

Палітыка савецкай Расіі ў «беларускім пытанні» з’яўлялася самым важным, галоўным і вырашальным знешнепалітычным фактарам, які прадвызначаў дзяржаваўтваральныя працэсы на тэрыторыі Беларусі. Такі падыход набірае ўсё большую моц у працах беларускіх і замежных гісторыкаў, прысвечаных стварэнню БССР. У прыватнасці, у пятым томе шасцітомнай «Гісторыі Беларусі» І. Ігнаценка і С. Хоміч небеспадстаўна сцвярджаюць, што велізарны ўплыў на вынікі працэсу аднаўлення нацыянальнай дзяржаўнасці ў форме БССР аказалі знешнепалітычны фактар і інтарэсы большавіцкай рэвалюцыі ў Расіі [3, с. 112]. Іншага пункту погляду прытрымліваецца У. Ладысеў, які лічыць стварэнне беларускай дзяржаўнасці на савецкай аснове (ці беларускай нацыянальнай дзяржаўнасці) вынікам

узаемадзеяння аб'ектыўных і суб'ектыўных фактараў, лагічнага развіцця нацыянальнага руху ў Паўночна-Заходнім краі Расійскай імперыі і ажыццяўлення палітыкі большавікоў у нацыянальным пытанні [9, с. 165]. Ён акцэнтуюе такім чынам увагу на ўнутраных (аб'ектыўных і суб'ектыўных) фактарах развіцця беларускага нацыянальнага руху, які ўвасобіўся ў абвяшчэнні БССР.

Развіццё беларускага этнасу і фармаванне беларускай нацыі ў Расійскай імперыі і Савецкім Саюзе ішло марудна і супярэчліва, а станаўленне ідэнтычнасці хісталася паміж рускасцю/савецкасцю і беларускасцю. Гэты ўнутраны фактар, цесна звязаны са знешнім (культурна-цывілізацыйнай раз'яднанасцю беларусаў), што выражалася ў дыхатаміі «паміж Усходам і Захадам», вельмі моцна ўплываў і працягвае ўплываць на ўнутры- і знешнепалітычную гісторыю Беларусі XIX – пачатку XXI ст. [12, с. 130–139, 149–151]. Нацыянальныя формы беларускай дзяржаўнасці (БНР, БССР і Рэспубліка Беларусь), што існавалі і працягваюць жыццё на мяжы дзвюх вялікіх цывілізацый (усходнеславянскай і заходняй), не здолелі вытрымаць баланс раўнавагі паміж Усходам і Захадам. Да гэтага беспаспяхова імкнулася БНР, а што датычылася БССР і Рэспублікі Беларусь, то яны засталіся ў савецкай (БССР) і пераважна расійскай (незалежная Беларусь) сферах уплыву [13, с. 427–430].

Вырашальнае значэнне знешняга фактара, пад якім разумеюцца сумесныя дзеянні Германіі і СССР супраць Польшчы ў верасні 1939 г., праявілася ў працэсе ўз'яднання Заходняй Беларусі з БССР. Уз'яднанне Заходняй і Усходняй Беларусі з'яўляецца адной з галоўных падзей гісторыі Беларусі XX ст. і стаіць на адной ступені разам з такімі эпахальнымі датамі, як абвяшчэнне незалежнасці БНР і БССР, перамога народаў СССР над фашызмам, распад СССР і набыццё незалежнасці Рэспублікай Беларусь. Усе гэтыя чатыры гістарычныя падзеі адбыліся ў выніку дыялектычнага перапляцення і ўзаемадзеяння ўнутраных і знешніх фактараў, якія разгортваліся ў дачыненні да Беларусі як да тэрыторыі былой Расійскай імперыі, потым нацыяльна-палітычнай адзінкі, што імкнулася да аўтаноміі ці нават незалежнасці (БНР і БССР), нарэшце саюзнай рэспублікі ў складзе СССР. Слабасць (адносная ці відавочная) унутраных фактараў абумоўлівала і адначасова тлумачыла занадта моцнае ўздзеянне знешніх сіл на дзяржаваўтваральныя працэсы, унутранае і міжнароднае становішча суб'ектаў (патэнцыяльных ці рэальных) нацыянальнай дзяржаўнасці (БНР, БССР, Заходняй Беларусі).

Вяртаючыся да значэння знешняга фактару ва ўз'яднанні Заходняй Беларусі з БССР (яе далучэнні да СССР), падкрэслім, што ў тагачасных геапалітычных умовах гэта дазволіла аб'яднаць дзве часткі беларускай нацыі, што мела несумненна прагрэсіўнае значэнне для кансалідацыі беларускага этнасу. У дадзеным выпадку можна і трэба казаць пра станоўчы ўплыў такой знешняй сілы, як сталінская знешняя палітыка, на развіццё сітуацыі ў Беларусі (Заходняй і Усходняй) і вакол яе. Гэта асабліва падкрэсліваецца ў чацвёртым томе «Гісторыі беларускай дзяржаўнасці» [7, с. 3, 58–68, 99] і афіцыйным артыкуле пра гістарычную палітыку сучаснай беларускай дзяржавы [8, с. 9]. Разам з тым нельга забываць і пра негатыўныя наступствы ўз'яднання 1939 г.: перадачу Віленскага краю Літве, што было платай беларусаў за аб'яднанне. Падзяліўшы Польшчу, СССР і Германія ўступілі ў непасрэдны кантакт, атрымаўшы тысячакіламетровую сумесную граніцу, пра што даўно марыў нацысцкі фюрэр. Сталін тым самым здзейсніў стратэгічную памылку, не здаўшы экзамен на элементарнае веданне геапалітыкі.

Мегатрэнд гісторыі беларускай дзяржаўнасці і яе знешняй палітыкі ў XIX – пачатку XXI ст. вызначаецца вырашальным уплывам усходняга, знешняга фактару: Расійскай імперыі, Савецкага Саюза, Расійскай Федэрацыі. Фармальна незалежная Беларусь існуе ў розных формах і ступені залежнасці ад вялікай усходняй суседкі (інстытуцыянальнай – праз праект саюзнай дзяржавы, палітычнай, ваеннай, эканамічнай, культурнай). У сваю чаргу, і Расія залежыць ад Беларусі (у ваенна-стратэгічнай сферы, транзітных шляхах, гандлёвым абароце), аднак ступень гэтай залежнасці значна меншая, за выключэннем геастратэгіі.

Тысячагадовая традыцыя беларускай дзяржаўнасці, якая выражаецца ў яе гістарычных і нацыянальных формах, паказвае выключна важнае значэнне для іх развіцця знешняга асяроддзя, якое, як мы бачылі, было то спрыяльным, то неспрыяльным. Яно магло садзейнічаць фармаванню і існаванню дзяржавы, а магло ўяўляць для яе развіцця істотную небяспеку. Шэраг асаблівасцей гістарычнага развіцця беларускіх дзяржаў (размяшчэнне на мяжы культур і цывілізацый, этнічная, канфесіянальная, моўная падзеленасць насельніцтва і эліт, іх уразлівасць і падатнасць да знешніх уплываў, што ўздейнічала на фармаванне адпаведных рыс менталітэту і нацыянальнага характару беларусаў і інш.) прадвызначылі пэў-

ную слабасць унутранага фактару развіцця Беларусі перад знешнім. Галоўны гістарычны ўрок, які павінны вынесці беларусы з багатай, слаўнай, нялёгкай і драматычнай знешнепалітычнай гісторыі сваёй краіны, заключаецца ў тым, каб мацаваць яе ўнутранае адзінства і кансалідаванасць.

Бібліяграфічныя спасылкі

1. *Галенчанка Г.* Гістарыяграфія // Гісторыя Беларусі : у 6 т. ; рэдкал.: М. Касцюк (гал. рэд.) [і інш.]. Мінск : Экаперспектыва, 2008. Т. 2: Беларусь у перыяд Вялікага Княства Літоўскага / Ю. Бохан [і інш.]. С. 11–38.

2. *Ігнатоўскі У. М.* Кароткі нарыс гісторыі Беларусі. 5-е выд. Мінск : Беларусь, 1991.

3. *Ігнаценка І., Хоміч С.* Утварэнне БССР // Гісторыя Беларусі : у 6 т. / рэдкал.: М. Касцюк (гал. рэд.) [і інш.]. Мінск : Экаперспектыва, 2006. Т. 5: Беларусь у 1917–1945 гг. С. 105–112.

4. История белорусской государственности : в 5 т. Мінск : Беларус. навука, 2018. Т. 1: Белорусская государственность: от истоков до конца XVIII в. / А. А. Коваленя [и др.] ; отв. ред.: О. Н. Левко, В. Ф. Голубев.

5. История белорусской государственности : в 5 т. Мінск : Беларус. навука, 2019. Т. 2: Белорусская государственность в период Российской империи (конец XVIII – начало XX в) / Н. В. Смехович [и др.] ; отв. ред.: Н. В. Смехович, А. В. Унучек, Е. Н. Филатова.

6. История белорусской государственности : в 5 т. Мінск : Беларус. навука, 2019. Т. 3: Белорусская государственность: от идеи к национальному государству (1917–1939 гг.) / А. А. Коваленя [и др.] ; отв. ред.: В. Г. Мазец, Н. В. Смехович, С. А. Третьяк.

7. История белорусской государственности : в 5 т. Мінск : Беларус. навука, 2019. Т. 4: Белорусская государственность накануне и в период Великой Отечественной войны и послевоенного восстановления (1939–1953 гг.) / А. А. Коваленя [и др.] ; отв. ред. Н. Б. Нестерович.

8. К вопросу об исторической политике / А. Коваленя [и др.] // Беларус. думка. 2019. № 8. С. 3–11.

9. *Ладысеў У. Ф.* Пазіцыя кіраўніцтва Савецкай Расіі ў беларускім пытанні. Утварэнне ССРБ // Нарыс гісторыі беларускай дзяржаўнасці: XX стагоддзе / М. П. Касцюк [і інш.] ; рэдкал.: А. А. Коваленя [і інш.]. Мінск : Беларус. навука, 2008. С. 138–165.

10. *Лінднэр Р.* Гісторыя і ўлада: нацыятворчы працэс і гістарычная палітыка ў Беларусі XIX–XX ст. СПб., Неўскі прасцяг, 2003.

11. *Лукашэнка А. Г.* Лекцыя «Історический выбор Республики Беларусь» в БГУ 14 марта 2003 года [Электронный ресурс]. URL: http://president.gov.by/ru/news_ru/view/lektsiya-istoricheskij-vybor-respubliki-belarus-v-bgu-5819/ (дата обращения: 15.02.2019).

12. *Радзiк Р.* Вакол iдэнтычнасцi беларусаў. Мінск : Лімарыус, 2017.

13. *Снапковский В. Е.* История внешней политики Беларуси : пособие. Мінск : БГУ, 2013.

А. В. ТИХОМИРОВ

*Белорусский государственный университет; пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь; tihomirow@list.ru*

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДИСКУССИЯ О ПЕРСПЕКТИВАХ РАЗВИТИЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ И ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ БЕЛАРУСИ В КОНЦЕ 1991 г.

Освещены основные направления общественно-политической дискуссии о перспективах развития Беларуси, осуществлявшейся в условиях распада СССР осенью 1991 г. Новизна проведенного научного исследования заключается в раскрытии особенностей дискуссии и ее воздействия на процесс становления независимого белорусского государства.

Ключевые слова: Беларусь; общественно-политическая дискуссия; государство; развитие; СССР; Россия; независимость; внешняя политика.

A. TSIKHAMIRAU

*Belarusian State University; Nezavisimosti ave., 4,
220030, Minsk, Belarus; tihomirow@list.ru*

SOCIO-POLITICAL DISCUSSION ON THE PROSPECTS FOR THE DEVELOPMENT OF STATEHOOD AND FOREIGN POLICY OF BELARUS AT THE END OF 1991

In article the main directions of the socio-political debate about prospects of development of Belarus carried out in the disintegration of the Soviet Union in autumn 1991 The novelty of the research is to reveal the features of the discussion and its impact on the process of formation of an independent Belarusian state.

Keywords: Belarus; socio-political discussion; state; development; USSR; Russia; independence; foreign policy.

В условиях углубления политического кризиса в СССР после августовских событий 1991 г. в белорусском обществе развернулась дискуссия о путях развития белорусской государственности и целесообразности дальнейшего пребывания в составе Советского Союза.

11 сентября 1991 г. в «Народной газете» была опубликована статья обозревателя А. Майсени. Автор статьи предлагал сохранить Беларусь в обновленном союзе бывших советских республик.

«Если кто-то предпочитает оказаться свободным захолустным государством на задворках Европы, чем состоять в Союзе, международный авторитет и вес которого можно будет обращать на пользу республики, то я не пойду вместе с этими людьми. Если кто-то верит в то, что можно быть свободным на паперти, что ради свободы можно терпеть нескончаемые лишения, и все во имя одной идеи, то я никогда не соглашусь с ними. Национальной свободы и независимости без прочного экономического фундамента не может быть. Суверенная Белоруссия может существовать лишь в едином экономическом пространстве нынешнего Союза... Республика, экономика которой на 80 процентов зависит от поставок сырья и материалов, просто не имеет права столь легкомысленно отказываться от режима наибольшего благоприятствования, который ей будет принадлежать как члену содружества государств... Проповедники национальной политической автаркии никак не хотят понять, что западный капитал и западный бизнес проявляют повышенный интерес к Белоруссии прежде всего как к воротам в общесоюзный рынок», – отмечал он [1].

А. Майсеня утверждал, что белорусскому государству будет легче отстаивать права белорусов в других республиках – членах Союза и обращал внимание на то, что членство в обновленном союзе поспособствует укреплению демократии в Беларуси. Он предлагал учитывать волю белорусского народа, высказанную на референдуме о сохранении СССР 17 марта 1991 г. [1].

21 сентября 1991 г. в «Народной газете» появилась публикация заместителя председателя оппозиции на платформе БНФ в Верховном Совете БССР О. Трусова. Автор статьи подверг резкой критике аргументы А. Майсени, высказав мнение, что в сложившихся условиях новый союз станет новым изданием Российской империи, в составе которой белорусы быстро утратят свою национальную идентичность. Он считал более перспективным введение белорусской национальной валюты и расширение связей с Литвой, Латвией, Эстонией и Польшей. Итоги референдума о сохранении СССР О. Трусов предлагал считать недействительными, поскольку соответствующее голосование проводилось без санкции Верховного Совета БССР, а его результаты, особенно в сельской местности, были практически целиком сфальсифицированы. В качестве возможного варианта разрешения возникшей политико-правовой коллизии автор статьи предлагал провести новый референдум о сохранении СССР с участием наблюдателей ООН [2]. Впрочем, он тут же оговаривался,

что делать этого не стоит, поскольку Советский Союз в 1922 г. возник без соблюдения демократических норм. В конечном счете, аргументация О. Трусова сводилась к тому, что независимость является высшей ценностью и Беларусь должна стремиться к ее достижению.

1 октября 1991 г. А. Майсеня опубликовал ответ О. Трусову, в котором обвинил сторонников БНФ в намерении установить новую диктатуру по образцу некоторых республик (в качестве негативного примера были приведены Грузия, Молдова и Азербайджан). «Беларусь должна прийти к независимости путем согласия и демократии – в рамках обновленного союза или за его пределами. Независимость любой ценой, независимость *über alles* – это доля фанатиков и авантюристов», – писал он [3]. А. Майсеня высказывал сомнение в перспективности установления прямых связей с производителями нефти и природного газа в России, обратив внимание на отсутствие в СССР нормальной системы ценообразования и неизбежный рост цен на сырье в случае изменения методики расчетов. Также он критиковал сторонников БНФ за гибкость, проявляемую в отношении белорусов Виленщины при одновременном желании защитить белорусов Смоленщины, обвинив их в русофобии [3].

Позицию А. Майсени поддержал политолог В. Карбалевич, который заметил, что БНФ склонен рассматривать проблему независимости не с точки зрения ее выгоды для Беларуси, а с позиции верности определенной идеологии [4]. С точки зрения В. Карбалевича, основой подлинного суверенитета белорусского государства могла стать только здоровая рыночная экономика [4].

Однако сторонники БНФ настаивали на своей правоте, утверждая, что положение белорусов в Литве лучше, чем в России [5]. В ноябре 1991 г. народный депутат от фракции БНФ В. Малашко в статье, опубликованной в «Народной газете», высказал мнение, что ориентация на Россию и Среднюю Азию при одновременном отказе от сотрудничества со странами Прибалтики и Украиной является ошибкой, поскольку страны Прибалтики и Украина более стабильны и экономически развиты, чем Россия, находящаяся на грани распада, и могут быстрее интегрироваться в мировую экономику. Автор статьи предполагал, что военный союз с Россией втянет Беларусь в конфликтные ситуации как в самой России, так и за ее пределами, и призывал не размещать на белорусской территории военнослужащих Советской армии из частей, выводимых из стран Европы и Прибалтики. Также

он выступал против политического союза с Россией, указывая, что для Беларуси предпочтительнее «путь в Европу» [6, с. 2]. В свою очередь О. Трусов активно поддерживал предложение капитана дальнего плавания М. Савченко о создании белорусского морского флота [7].

В ноябре 1991 г. депутаты от оппозиции БНФ опубликовали заявление, в котором говорилось: «Ни Совет Министров, ни Верховный Совет несмотря на предложения депутатской оппозиции БНФ не сделали ничего для того, чтобы подготовить выпуск белорусских денег, создать национальную финансово-кредитную систему, предпринять усилия для того, чтобы защитить товарный рынок, избежать гиперинфляции, безудержного роста цен, вывоза продуктов и промышленных изделий из Беларуси... В результате Беларусь оказалась в хвосте политики России и балтийских стран, стала зависимой от разрушительных процессов в экономике этих республик, от повышения цен и экономического шантажа, стала оплачивать ценой труда своего народа болячки чужого общества, подпитывать московских спекулянтов, южные мафии, рынок Польши, Латвии и Литвы» [8, с. 19–20]. БНФ призывал к отставке правительства В. Кебича и созданию правительства народного доверия, а также к проведению внеочередных выборов депутатов Верховного Совета [8, с. 20].

В свою очередь А. Майсеня 21 ноября 1991 г. опубликовал в «Народной газете» статью с очередным призывом к сохранению союза. Он утверждал, что новый союз будет формироваться как объединение свободных государств на основе равноправия и взаимной выгоды. Угрозы в том, что в этом союзе Беларусь окажется в зависимости от России, А. Майсеня не видел. «Хотим мы того или нет, Беларусь останется на ближайшую перспективу в силовом поле политики России... Точно так же, как Россия еще надолго останется нашим главным экономическим партнером. Наши отношения с Россией будут во многом складываться в адаптационном режиме... Столкновение с Россией в любом случае для Беларуси выгод не сулит», – отмечал он [9, с. 2].

А. Майсеня предлагал не сражаться против России, а сконцентрировать усилия на экономических и политических реформах в Беларуси, приняв в качестве первоочередной меры реалистичную программу выхода из кризиса. Единственным способом избавиться от зависимости от союзного рынка и экономики России, по его мнению, могло стать поступательное создание экономической инфраструктуры с Западом, разрушающее моноориентацию белорусской экономики [9, с. 2].

Подписание Беловежских соглашений в декабре 1991 г. положило конец общественно-политической дискуссии. Ликвидация СССР сделала невозможным дальнейшее пребывание Беларуси в союзе. С этого момента новые дискуссии о роли и месте белорусского государства на международной арене осуществлялись в принципиально иных условиях.

Подводя итог вышесказанному, можно отметить, что в центре общественно-политической дискуссии находился вопрос о цене белорусского государственного суверенитета (необходимость сохранения суверенитета под сомнение не ставилась). Некоторые участники дискуссии (сторонники БНФ) считали, что Беларусь должна быть независимым государством и ориентироваться на более тесную связь со странами Прибалтики и Украиной. Оппоненты БНФ предлагали сохранять тесную связь с Россией, утверждая, что лишь она способна предоставить Беларуси ресурсы, необходимые для сохранения стабильности и дальнейшего развития белорусской экономики. Дихотомия «Запад – Восток» сохраняла значимость и в ходе последующих дискуссий в белорусском обществе. Немаловажным являлось то, что дискуссия проходила в корректной форме. Различные точки зрения публиковались на страницах одного и того же периодического издания, участники дискуссии использовали для обоснования своей точки зрения логические аргументы, а не политические и идеологические клише. Интересным моментом было и то, что от участия в дискуссии уклонилось белорусское руководство на уровне парламента и правительства.

Библиографические ссылки

1. *Майсеня А.* «Аминь» Союзу? // Нар. газета. 1991. 11 вер. С. 2.
2. *Трусаў А.* Ці трэба баяцца незалежнасці? // Нар. газета. 1991. 26 вер. С. 2.
3. *Майсеня А.* Не гаруйце, нехляможныя беларусы... // Нар. газета. 1991. 1 кастр. С. 3.
4. *Карбалевиц В.* Независимость: цель или средство? // Нар. газета. 1991. 25 кастр. С. 3.
5. *Трусаў А.* Не ўсе беларусы нехляможныя // Нар. газета. 1991. 25 кастр. С. 3.
6. *Малашко В.* Где белорусская политика? // Нар. газета. 1991. 22 ліст. С. 1–2.
7. *Трусаў А., Саўчанка М.* Беларусі патрэбен свій марскі флот // Нар. газета. 1991. 26 ліст. С. 3.
8. *Навумчык С.* Дзевяноста другі. Б. м. : Радыё Свабодная Эўропа / Радыё Свабода, 2017.
9. *Майсеня А.* Форс-мажор, или Национальные интересы Беларуси в эпоху распада Союза // Нар. газета. 1991. 21 ліст. С. 1–2.

ХЭ ЮЭЦЗЕ¹⁾, Е. В. ДЕМИДОВИЧ²⁾

¹⁾Белорусский государственный университет; пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь; 963221351@qq.com

²⁾Белорусский государственный университет; пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь; helen1062@tut.by

РОССИЙСКО-КИТАЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В ГУМАНИТАРНОЙ СФЕРЕ В 2000–2018 гг.

Рассматриваются основные формы и результаты гуманитарного сотрудничества между Россией и Китаем в 2000–2018 гг. Проанализированы такие аспекты гуманитарного взаимодействия, как спорт и туризм, наука и образование, культура и искусство, здравоохранение и экология.

Ключевые слова: гуманитарная сфера; двусторонние отношения; Китайская Народная Республика; Российская Федерация; российско-китайское сотрудничество.

HE YUEJIE^{a)}, E. DZEMIDOVICH^{b)}

^{a)}Belorussian State University; Nezavisimosti ave., 4,
220030, Minsk, Belarus; 963221351@qq.com

^{b)}Belarusian State University; Nezavisimosti ave., 4,
220030, Minsk, Belarus; helen1062@tut.by

RUSSIAN-CHINESE RELATIONS IN THE AREAS OF HUMANITIES IN 2000–2018

The article does research on humanistic cooperation of Russian-Chinese relations in 2000–2018 and a general analysis of humanistic cooperation between Russia and China in such areas as sports and tourism, science and education, culture and art, public health and ecology.

Keywords: areas of humanities; bilateral relations; People's Republic of China, Russian Federation; Russian-Chinese cooperation.

В настоящее время значимость культурного компонента в международных отношениях повышается, поскольку взаимодействие в сфере культуры и в гуманитарной сфере в целом предполагает вовлечение общественности взаимодействующих государств. Изучение

гуманитарных аспектов взаимодействия между Россией и Китаем на современном этапе имеет важное значение для оценки дальнейшего развития двусторонних отношений.

Цель исследования заключается в анализе динамики развития, выявлении существенных проблем и оценке перспектив гуманитарного сотрудничества между Россией и Китаем.

Следует отметить, что в 2000 г. российско-китайские отношения в политической и экономической сферах вступили в новую эпоху, а в гуманитарной сфере развивались не столь динамично, что стало препятствием для дальнейшего их развития. Для улучшения состояния в этой сфере была создана российско-китайская комиссия по гуманитарному сотрудничеству, в рамках которой осуществлялись гуманитарные обмены двух стран в течение 18 лет.

Сотрудничество в сфере спорта и туризма. В 2000–2005 гг. рост взаимного турпотока России и Китая был незначителен. Благодаря современному проведению тематических годов между двумя странами в 2006–2018 гг. турпоток двух стран namного увеличился. В 2018 г. количество граждан РФ, посетивших Китай, превысило 2 млн человек, количество туристов из Китая в Россию также составило свыше 2 млн человек [1]. Двустороннее сотрудничество в области туризма имеет хорошую динамику, но стороны должны продвигать развитие безвизового режима, упрощать оформление документов и сделать изучение культуры двух народов более доступным.

Молодежь – это надежда страны и энергетическая сила продвижения развития российско-китайских отношений. Лидеры двух стран составили планы о проведении молодежных игр в РФ и КНР. Молодежные летние игры проводят поочередно раз в два года с 2006 г., а зимние – с 2016 г. На платформе игры стороны могут вместе подготовить молодых потенциальных спортсменов в разных видах спорта, сотрудничать в различных спортивных соревнованиях и взаимодополнять друг друга в своих преимущественных сферах. Перспективы гуманитарного сотрудничества в сфере спорта широкие, что станет новым импульсом продвижения связей России и Китая.

Сотрудничество в сфере науки и образования. Наука и образование играют важную роль в гуманитарном сотрудничестве. В 2000–2012 гг. Россия и Китай уделяли большое внимание обучению языку соседней страны, а в 2013–2015 гг. в связи с выдвижением инициативы «Один пояс и один путь» и подписанием соглашения о сопряжении инициативы и ЕАЭС стороны расширяли научные сферы обменов.

В соответствии с развитием науки двустороннее сотрудничество в сфере образования также идет в ногу со временем. В 2000–2013 гг. китайские студенты предпочитали получать высшее образование в западных странах. А в 2013–2018 гг. благодаря совместным проектам значительно увеличилось количество китайских студентов в России, а российских студентов – в Китае. В 2018 г. 76 470 студентов из Китая получали высшее образование в российских вузах [2], и 19 239 студентов из России получали высшее образование в китайских вузах [3]. Следует отметить, что правительства РФ и КНР стремились усилить обмены студентами в рамках ШОС и реализовать совместные образовательные программы (СОП), совместное образовательное учреждение (СОУ). СОП и СОУ должны подготовить специалистов с межкультурными и языковыми навыками в различных областях, что способствует дальнейшему углублению диалога в научной и образовательной сферах России и Китая.

Сотрудничество в сфере культуры и искусства. Российско-китайское сотрудничество в сфере обмена культуры не только способствует повышению культурной конкурентоспособности и привлекательности стран, но и улучшает уровень взаимопонимания граждан двух стран. До конца 2018 г. Китай создал институты Конфуций в 19 российских университетах, и в свою очередь Россия через фонд «Русский мир» открыла центры русского языка в семи китайских университетах [4; 5]. Институты и центры очень помогли русским и китайским народам узнавать язык и культуру соседней страны.

Благодаря современному технологическому развитию международное агентство «Россия сегодня» и «Международное радио Китая» совместно создали двуязычное приложение «Россия – Китай: главное» – первый совместный информационный проект, который открыл новую страницу в гуманитарной сфере двусторонних отношений. Произведения искусств также играют роль канала и моста в российско-китайском гуманитарном сотрудничестве, способствуя культурным обменам двух стран, поскольку балеты, оперы, произведения кино и сериалов отражают историю, культуру, обычаи и традиции. Только разница искусств двух стран большая, и сотрудничество в данной сфере началось совсем недавно, поэтому стороны должны расширять обмен разными видами искусства в популярной форме для народов.

Сотрудничество в сфере здравоохранения и экологии. Министерство здравоохранения РФ и Министерство здравоохранения КНР сотрудничают в разных сферах для улучшения современных медицинских технологий, а также обеспечения санитарно-эпи-

демиологического благополучия населения и ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций. Кроме того, Российско-Китайская Подкомиссия по здравоохранению развивает двустороннее взаимодействие в областях медицины катастроф, профилактики инфекционных заболеваний, санаторно-курортного лечения, традиционной национальной медицины и т. д.

Согласно докладам об экологическом состоянии РФ и КНР в 2018 г. две стороны по-прежнему сталкиваются с огромным экологическим давлением, несмотря на свою приверженность защите окружающей среды [6; 7]. Еще в 2000–2006 гг. первоначальное сотрудничество в сфере защиты окружающей среды в основном было посвящено решению проблемы загрязнения пограничных рек и озер. С 2006 г. уровень двустороннего сотрудничества в сфере экологии перешел на новый этап: охватывает совместное сохранение биоразнообразия и лесных ресурсов, совместные надзор и экстренное реагирование на экологические катастрофы и т. д. Спустя 18 лет развитие российско-китайского сотрудничества в данной сфере недостаточно, что становится угрозой для устойчивого развития стран и выживания человечества, поэтому повышение эффективности совместной охраны окружающей среды для России и Китая стало актуальным и необходимым.

Заключение. В рамках гуманитарного сотрудничества стороны подписали ряд соглашений, меморандумов и т. д. Некоторые из этих документов находятся лишь на бумаге. Кроме того, среди населения сохраняются пограничные споры, несмотря на выполнение разрешения данной проблемы в юридическом плане, что мешает стабильному развитию отношений двух стран [8]. В России и Китае произведения искусств работают с узкой аудиторией и пользуются непопулярностью среди народов. Самое главное, что мероприятия в процессе гуманитарного сотрудничества двух стран проводятся в приграничных и крупных городах, поэтому у населения остальных городов нет шансов узнавать о соседней стране.

Правительствам двух стран все еще приходится укреплять гражданские гуманитарные обмены и преодолевать формализм и бюрократизм. Кроме того, молодое поколение должно усилить изучение языка и культуры соседнего государства, понять менталитет друг друга, найти консенсус и достичь взаимопонимания. Стороны должны повысить свою конкурентоспособность и создать бренд национальной культуры, а также в полной мере использовать медийные платформы для распространения своих цивилизаций.

Таким образом, углубление и улучшение гуманитарного сотрудничества между Россией и Китаем помогает развитию российско-китайских связей, созданию гармоничной атмосферы для активизации политических и улучшения экономических отношений, а также процветанию международной культуры и укреплению дружбы двух народов в процессе столкновения и интеграции двух цивилизаций.

Библиографические ссылки

1. Российско-китайский турпоток в двух странах в 2018 году [Электронный ресурс] // Сайт туризма в России на китайском языке. URL: https://www.russia-online.cn/News/000_3_1_34638.shtml (дата обращения: 30.09.2019).

2. В России более чем на 30 % увеличилось число студентов из Индии и Китая [Электронный ресурс] // Министерство науки и высшего образования Российской Федерации. Пресс-центр. Официальный сайт. URL: https://m.minobrnauki.gov.ru/ru/press_center/card/?id_4=1130 (дата обращения: 01.10.2019).

3. Данные иностранных обучающихся в КНР в 2018 году [Электронный ресурс] // Министерство образования Китайской Народной Республики. Официальный сайт. URL: <https://dwz.cn/HP2sX2OT?u=62e26bb617cd1ccb> (дата обращения: 01.10.2019).

4. Институт Конфуция за рубежом [Электронный ресурс] // Государственная канцелярия по распространению китайского языка за рубежом Министерства образования КНР совместно с зарубежными синологическими центрами. URL: http://www.hanban.org/confuciousinstitutes/node_10961.htm (дата обращения: 01.10.2019).

5. Каталог русских центров [Электронный ресурс] // Информационный портал фонда «Русский мир». URL: <https://russkiymir.ru/rucenter/catalogue.php> (дата обращения: 01.10.2019).

6. Проект Государственного доклада «О состоянии и об охране окружающей среды Российской Федерации в 2018 году» [Электронный ресурс] // Министерство природных ресурсов и экологии Российской Федерации. Официальный сайт. URL: http://www.mnr.gov.ru/docs/proekty_pravovyykh_aktov/proekt_gosudarstvennogo_doklada_o_sostoyaii_i_ob_okhrane_okruzhayushchey_sredy_rossiyskoy_federatsi/ (дата обращения: 12.10.2019).

7. Государственный доклад о состоянии экологии Китайской Народной Республики в 2018 году [Электронный ресурс] // Министерство экологии и окружающей среды Китайской Народной Республики. URL: <http://www.mee.gov.cn/hjzl/zghjzkgb/lnzghjzkgb/201905/P020190619587632630618.pdf> (дата обращения: 12.10.2019).

8. Деятельность пограничных представителей в международном правовом оформлении границ [Электронный ресурс] // Пограничная служба ФСБ России. URL: <http://ps.fsb.ru/international.htm> (дата обращения: 13.10.2019).

М. Э. ЧЕСНОВСКИЙ

*Белорусский государственный университет; пр. Независимости, 4,
г. Минск, Беларусь; m.chasnouski@gmail.com*

ИЗУЧЕНИЕ ВОПРОСОВ ПОЛИТИЧЕСКОЙ И ЭКОНОМИЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ КНР В ЮЖНОАМЕРИКАНСКИХ СТРАНАХ В XXI В. (НА ПРИМЕРЕ ВЕНЕСУЭЛЫ)

Ключевая роль Китайской Народной Республики (КНР) в выдвижении Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР) в XXI в. на мировые лидерские позиции уже стала предметом научного осмысления и образовательного процесса. Более узким, но выразительным аспектом данного предмета выступает расширение влияния КНР в странах Южной Америки. Причем наиболее основательно активность Китая проявляется в Венесуэле. Здесь китайское руководство приобрело возможность не только закрепляться экономически, но и сопрягать собственную внешнюю стратегию с курсом венесуэльских лидеров на воплощение концепции «социализм XXI века». Изучение стратегии, направлений и методов распространения влияния на континенте позволяет выявить этапы продвижения интересов Китая, оценить его экономико-политические последствия, сопоставить подходы великих держав к реализации собственных геополитических приоритетов и на этой основе уяснить суть и особенности эволюции современного мироустройства.

Ключевые слова: Южная Америка; КНР; Венесуэла; социализм XXI века; энергетическая политика Венесуэлы; экономическая экспансия Китая; изучение внешней стратегии КНР.

M. CHASNOUSKI

*Belarusian State University; Nezavisimosti ave., 4,
220030, Minsk, Belarus; m.chasnouski@gmail.com*

THE RESEARCH ON THE ISSUES OF THE PRC POLITICAL AND ECONOMIC ACTIVITY IN SOUTH AMERICAN COUNTRIES IN THE XXI CENTURY (ON THE EXAMPLE OF VENEZUELA)

The key role of the People's Republic of China (China, the PRC) in the XXI century advance of Asia and the Pacific Region to world leading position has already become the subject of scientific research and educational process. A narrower but expressive aspect of this subject is the expansion of the influence of the PRC in the countries of South America.

Moreover, China's activity is most significant in Venezuela. Here, the Chinese leadership has gained the opportunity not only to take hold economically, but also to match its own foreign strategy with the course of Venezuelan leaders towards implementation of the "XXI century socialism" concept. The study of the strategy, directions and methods of expanding influence on the continent allows to reveal stages of advancement of China's interests, to assess its economic and political consequences, to compare approaches of great powers to realization of their own geopolitical priorities and on this basis to understand essence and features of evolution of modern world order.

Keywords: *South America; the PRC; Venezuela; XXI century socialism; Venezuela's energy policy; China's economic expansion; research of the PRC foreign strategy.*

В перечне самых актуальных вопросов современности оказались способность и методы влияния Китая на мировую экономику, а через нее – на глобальную политику. Какие выгоды, преимущества и угрозы при этом он несет своим партнерам? Чего ожидать его соперникам? Последует ли демографический исход или даже военная экспансия КНР в зарубежные территории вслед за укоренением там китайского влияния? Данные вопросы – ключевые, хотя и далеко не все, возникающие в процессе изучения внешней политической и экономической активности КНР, ставшей особенно выразительной с начала XXI в.

Одно из направлений активности Китая – Южная Америка. Раскрытию его содержания посвящено немало публикаций в русскоязычной и англоязычной исследовательской литературе [1; 2]. При изучении стратегии КНР в странах Латинской Америки будет уместно исходить из утверждения большинства авторов, что в стремлении усилить авторитет и влияние в развивающемся мире Китай всегда позиционировал себя как защитника зависимых латиноамериканских народов. Китаю геополитически выгодно формально оставаться частью развивающегося мира, ибо при переходе в «золотой миллиард» органическая связь между ним и странами Юга может разрушиться. Данный идеологический императив, усиленный китайскими геоэкономическими возможностями, остается средством распространения глобального влияния современного Китая.

Приоритетное место в историографии геополитической устремленности Китая на пространство Латинской Америки занимает анализ китайско-венесуэльских отношений. В то же время освещению этих двусторонних отношений в русскоязычной литературе пока не достает основательности.

Если о своем намерении сделать Африку зоной своего влияния дипломатия КНР открыто объявила еще в ноябре 2006 г. на состоявшемся в Пекине представительном саммите Китай – Африка, то столь четкого и откровенного курса в отношении Южной Америки Китай не обозначил. Тем не менее Пекин активно работает на южно-американском направлении.

К середине второго десятилетия XXI в. Южная Америка оказалась, по сути, на пересечении стратегических интересов трех локомотивов современной мировой политики – Соединенных Штатов Америки, Китая и Европейского союза. С точки зрения геополитики она превратилась в своеобразное «метаполе», т. е. территорию, на которую в плане экономического и политического влияния претендуют одновременно несколько государств. В свою очередь АТР становился приоритетным пространством экономических и политических устремлений Венесуэлы и был призван помочь воплощению концепции социализма XXI в. Практическим механизмом ее реализации венесуэльский лидер Уго Чавес определил межрегиональную взаимосвязь в двусторонних отношениях: «Китай – один из главных мировых потребителей энергии, а Венесуэла – один из главных мировых поставщиков энергии. Они прекрасно дополняют друг друга».

В процессе преподавания вопросов политической активности КНР в южноамериканских странах важно донести до обучающихся, что Поднебесная удачно использует для себя антиамериканские настроения на континенте (Куба, Венесуэла, Боливия). Логика китайской геополитики проста: Пекин берется опекать (борьба с бедностью, помощь в развитии) любые режимы, не навязывая модели политического устройства и не настаивая на соблюдении прав человека, а в обмен требует только одного – гарантированных поставок ресурсов для своей растущей экономики. В итоге на сторону Пекина переходят страны, даже регионы, с которыми в силу идеологических или иных причин не хочет разговаривать Запад. При этом последний лишается политических козырей в соперничестве с Китаем, выходящим на международную арену под лозунгом содействия развивающимся странам.

Особая стратегия присуща Китаю в развертывании экономической активности. Приобрело устойчивость мнение, что ему проще сотрудничать с государствами, где управление строится на авторитарной основе. Там Пекин с успехом добивается особых условий для своей экономической экспансии. Заметим: если китайцы затребуют

подобных бонусов в развитой европейской стране, получают ответ, что та строит экономические отношения со всеми на одинаковых условиях. Тем не менее КНР развивает экономическое сотрудничество практически со всеми странами мира. Феномен ее возможностей – кажущиеся неисчерпаемыми кредитные ресурсы, питающие собственные зарубежные инвестиции. Китай активно кредитует весь мир: развитые, развивающиеся страны; независимые от всех в экономическом отношении США также принимают китайские инвестиции – даже в условиях торговой войны. Неудивительно, что вторая по объему производства экономика мира прочно закрепилась в Южной Америке.

Прежде Соединенные Штаты направляли туда огромные объемы помощи, но в итоге они не принесли ожидаемых результатов. Требование Вашингтона проводить либеральные реформы и внедрять демократию по американскому образцу взамен за техническое, материальное, финансовое содействие оборачивалось социальными потрясениями. Пекин пошел совершенно простым путем: избегая каких-либо политических условий, он инвестирует в правительственные проекты по строительству завода, шоссе, трубопровода и т. п. При этом, в отличие от США, он не выступает инициатором экспорта и внедрения своего опыта. Это противоречило бы принципам мирного сосуществования, на которых Китай основывает свою внешнюю политику и международные связи, избегая вмешательства во внутренние дела других стран и уважая их национальный суверенитет.

Изучая его экономическую стратегию, важно помнить, что у китайского феномена есть существенные минусы. Его кредиты и инвестиции, вложенные в инфраструктурные объекты, не всегда окупаются в условиях внутренней нестабильности отдельных развивающихся стран Южной Америки. Возникает нерентабельный объект и большой государственный долг. Но в возникшей ситуации Китай не закрывает кредитные линии, хотя и не заставляет правительство накапливать долги. А накапливаясь, они становятся неподъемными для страны-заемщика. Складывается новая форма зависимых отношений: в виде компенсации долга Китай становится собственником самого объекта. В некоторых африканских странах таким способом он стал контролировать целые отрасли, вытесняя из них национального производителя. В Южной Америке уже встречается такая же практика. Там возникает опасность из одной формы зависимости впасть в другую.

К тому же китайские связанные кредиты неоднозначно влияют на экономику страны-заемщика. При вложении в инфраструктурный объект они предусматривают использование части китайских специалистов на строительстве, приобретение китайского оборудования, которое установят сами китайцы. За ввод объекта в эксплуатацию уже отвечает правительство-заемщик. Если объект не вышел на плановые производственные мощности либо срываются сроки его ввода – то прибыли он не дает, а выплата долга Китаю превращается в материальные и финансовые издержки, которые вынуждено погашать правительство.

К этим двум аспектам внешней экономической активности КНР следует добавить особенность последних лет. В процессе реализации зарубежных инфраструктурных проектов Пекин отходит от практики поощрения оседлости своего населения в странах-партнерах как способу снизить собственный демографический переизбыток. Присущий недавнему прошлому бурный рост населения Китая прекратился. Китайцы массово стареют. Угасает стремление правительства высылать свое население в другие страны. В дальнейшем КНР, подобно всем другим странам, будет отправлять только менеджеров для реализации собственных зарубежных инвестиций.

Наиболее выразительно китайская стратегия проникновения на латиноамериканский континент просматривается в отношении Венесуэлы. В пособии М. Э. Чесновского и М. Г. Юрты «Венесуэло-китайские отношения (2001–2017 гг.)» тема политической и экономической активности КНР раскрывается в трех разделах: структурированных в пять тем: раздел 1 – «Концептуальные особенности венесуэло-китайского сближения» раскрыт в темах «Доктринальные основы венесуэло-китайского сближения» и «Реализация венесуэло-китайского стратегического партнерства»; раздел 2 – «Основные тенденции и сферы торгово-экономических отношений Венесуэлы и КНР» детализирован в темах «“Три кита” экономического сотрудничества Венесуэлы и КНР» и «Социально-экономические преобразования и усиление регионального влияния Венесуэлы через сближение с КНР». Тематическое завершение пособия отражено в разделе 3 – «Влияние социально-политической ситуации в Венесуэле на состояние отношений с КНР» [3].

В пособии в концентрированном виде обобщена вся проблематика развития стратегического партнерства Китая и Венесуэлы, что помогает в достаточной степени уяснить особенности современной

активности КНР на латиноамериканском континенте. Объясняя истоки и предпосылки столь динамичного проявления ее мощи, авторы пособия подчеркивают, что за последние 40–50 лет Китай сильно изменился. Раньше он был большой, но очень бедной страной. Зарабатывал фактически только на сельском хозяйстве. А потом произошла тонко просчитанная и глубокая экономическая трансформация – и миллионы китайцев вышли из бедности за счет свершенной индустриализации и рыночных реформ. Китай и сегодня остается социалистической страной, но в экономическом плане – это далеко не аналог Советского Союза.

Государственный капитал КНР сильно зависит от рынка, хотя ее экономической модели не свойственен западный тип экономического либерализма, который внедрились постсоциалистические страны Европы. Однако в экономическом поведении Китая отсутствует идеологическое противостояние коммунизма и капитализма. Доминирует капитализм, в котором роль государства значительно выше, чем принято на Западе. Китаю намного выгоднее работать на капиталистическом рынке, так у него появляются рычаги воздействия. Сохраняется и расширяется и без того весомое мировое влияние.

В данном контексте авторы пособия ставят вопрос: почему в начале XXI в. произошел небывалый рост отношений между КНР, с одной стороны, и большинством стран Южной Америки, прежде всего Венесуэлой, – с другой? Ведь усиление влияния великой державы в традиционно зависимом от США регионе чревато изменением геополитической и геоэкономической структуры мира. Суть ответа сводится к тому, что, обладая значительными запасами нефти и находясь в повышенной зависимости от внешнего рынка, Венесуэла пошла путем развития отношений стратегического партнерства с Китаем, рассчитывая подобным взаимодействием повысить эффективность проводимого экономического курса и усилить региональное влияние. В тесных двусторонних отношениях Каракас также усматривал залог внутривнутриполитической стабильности страны. А для КНР главным источником привлекательности южноамериканских стран выступали сырьевые запасы.

Доктринальные основы экстраполяции китайской внешней стратегии на Венесуэлу раскрываются в разделе 1 вышеназванного пособия. В частности, подробно освещаются особенности взаимодействия в форматах многостороннего сотрудничества, где Пекин неизменно

поддерживает внешнеполитическую линию Каракаса; анализируется роль китайской и венесуэльской моделей социализма как основы двустороннего стратегического партнерства; раскрывается сдержанная реакция КНР на частые попытки Венесуэлы политизировать социально-экономическую сферу двусторонних отношений.

С приходом в 1999 г. к власти Уго Чавеса в качестве президента внешняя политика Боливарианской Республики Венесуэла получила новое направление – строительство многополярного мира. Для его реализации ставилась задача диверсифицировать товарооборот и совершенствовать экономическую политику путем расширения обмена технологиями и знаниями, необходимыми для экономического и социального развития при сохранении суверенитета, демократии, социальной справедливости, основанных на солидарности, сотрудничестве, уважении к окружающей среде и правах человека. Взаимовыгодная торговля, построение единого рынка Южной Америки, а также развитие отношений в различных областях с Китаем, Ираном, Беларусью, Россией стали приоритетными направлениями внешней политики президента Уго Чавеса.

Команданте Чавес не только сформировал задачи и цели внешней политики с учетом качественных и количественных изменений в международных отношениях, но и успешно воспользовался новыми реалиями, чтобы установить искомые геостратегические и геополитические союзы на региональном и глобальном уровнях, способные обеспечить поддержку и распространение Боливарианского революционного проекта. На его основе внешняя политика Венесуэлы приобрела динамику в рамках концепции «социализм XXI века», где четко видна идея противостояния двух идеологических полюсов: капитализма и социализма. Присущее второй половине XX в. блоковое противостояние не предусматривалось, однако ставилась довольно масштабная цель: ослабить гегемонистские устремления США. В реализации проекта Китаю отводилась стержневая роль.

Авторы вышеуказанного пособия выделяют параллельно выстраиваемый персоналистский контекст венесуэло-китайской дипломатии, где любой новый тренд определяют встречи лидеров государств. Сутью международных связей персоналистского характера стало стремление лидеров Венесуэлы к углублению двусторонних отношений на принципах социализма, а энергетический сектор Венесуэлы оказался предметом встречного интереса Пекина. Переплетение этих двух маркеров заинтересованности сложилось в виде уникальной модели сотрудничества Боливарианской Республики Венесуэла с КНР.

Особое внимание в разделе 1 уделено характеристике основных параметров партнерства, которых придерживается Китай, нацеленный на перехват инициатив других крупных держав, соперничающих с ним за реализацию стратегических целей. В Латинской Америке таким бесспорным соперником выступают США. Китайско-венесуэльское стратегическое партнерство развивается в контексте устранения могущественного североамериканского соседа. Китай для Венесуэлы стал важной страной, формирующей блок государств, отделяющихся от возглавляемой США гегемонистской матрицы. На этом фоне авторы пособия прослеживают влияние китайского фактора в попытках Венесуэлы уйти из-под опеки США; оценивают роль Китая в реализации региональной стратегии Венесуэлы; под этим же углом зрения рассматривают проблемы расширения венесуэло-китайского политического сотрудничества и оценивают мощь «китайской карты» в эскалации противостояния между Венесуэлой и США.

Вследствие особой способности китайского государственного капитализма проникать в другие страны и на континенты акцент в пособии сделан именно на анализе его экономической активности в Венесуэле. В разделе 2 подробно рассмотрены «три кита», на которых покоится экономическое влияние КНР. Экономико-финансовый фундамент венесуэло-китайского сотрудничества обеспечивают: Смешанная комиссия высокого уровня, нефтяной сектор и Совместный инвестиционный фонд. Прочность данного фундамента в процессе непростых социально-экономических преобразований в Венесуэле поддерживается системой согласованных двусторонних проектов и конкретных планов: китайской поддержкой программы Каракаса «социализм XXI века»; кооперацией в реализации аграрного переустройства Венесуэлы; содействием Китая в реализации планов промышленного и технологического развития, финансового оздоровления Венесуэлы; осторожной поддержкой (из-за вероятных издержек для себя) боливарианской социальной политики.

М. Э. Чесновский и М. Г. Юреть определяют ключевую причину отката социально-экономических преобразований в Венесуэле. В частности, нацеливаясь на стратегическое партнерство с Китаем, лидеры Венесуэлы стремились развивать с ним преимущественно традиционные торгово-экономические связи, оставляя без должного внимания такой ресурс, как китайский опыт экономических и соци-

альных преобразований. Вместе с тем внедрение китайской модели с учетом национальной специфики было способно помочь стране если не выйти из состояния внутренней нестабильности, то хотя бы остановить ее эскалацию.

Последний раздел пособия посвящен анализу осложнений и «подводных рифов», возникающих в странах – объектах повышенной активности Китая. Свойственная большинству государств Южной Америки внутренняя нестабильность нередко становится ощутимым препятствием на пути реализации китайских мегапроектов. Авторы пособия резонно подмечают склонность Пекина занимать позицию отстраненности при обострении социально-политических условий жизни населения латиноамериканских стран. Пример Венесуэлы в этом случае – и типичный, и особенно выразительный. Влияние социально-политической ситуации в Венесуэле на состояние отношений с КНР в пособии прослеживается через призму возникновения общественной оппозиции сближению с Китаем, пусть и не влиятельной в венесуэльских кругах; реакции КНР на системный кризис в Венесуэле второй половины 2010-х гг.; международной позиции Китая в отношении названного кризиса.

Для полноценного концептуального понимания «подводных рифов» авторы пособия привлекают известную на Западе теорию проклятия ресурсов, согласно которой бедные страны с большими запасами природных ресурсов, особенно нефти, часто не достигают устойчивого экономического роста, ибо нефтяные доходы способствуют коррупции, плохому управлению и авторитарным правительствам, которые не вкладывают средства в будущее или в обеспечение благополучия большинства своего населения. В этом случае подоплека бедности – не в богатстве ресурсов как таковом, а в социально-политических условиях, в которых они эксплуатируются. «Подводные рифы» в треугольнике США – Венесуэла – КНР объясняются категорией взаимозависимости. В ней Венесуэле отведена роль колеблющегося государства, Китаю – место одной из мировых держав. Из-за стремления снизить значение КНР как ценного союзника на пути обретения большей независимости Венесуэлы, США выступают объектом контрgegемонического политического проекта Каракаса и Пекина.

Таким образом, китайская активность в Южной Америке представляет синтез двух противоположных оценочных подходов. Оптимистичный подход предопределяет беспроегрышность целей внешней политики Венесуэлы, показывая КНР как успешную модель сотрудничества с ней и другими развивающимися странами конти-

нента. Более скептические оценки представляют Поднебесную как имперскую державу, формирующуюся в XXI в. в новую конкурентную угрозу для национальных интересов южноамериканских стран. При этом возникшая в 2010-х гг. сложность внутривнутриполитической ситуации в Венесуэле предвещает риски для двусторонней модели сотрудничества. Но достигнутая степень взаимодополняемости их экономик остается залогом стратегического партнерства даже в условиях продолжительной внутренней нестабильности в Венесуэле.

Библиографические ссылки

1. *Байчоров А. М.* Китаизация: последствия роста мощи Китая для мира в XXI веке. М. : Междунар. отношения, 2013. 188 с. ; *Китай: что следует знать о новой сверхдержаве / Ф. Бергстен [и др.].* М. : Ин-т комплекс. стратег. исслед., 2007. 256 с. ; *Бобровников А. В., Давыдов В. М.* Восходящие страны-гиганты на мировой сцене XXI века (доклад ИЛА РАН) // *Латинская Америка.* 2005. № 5. С. 4–20; *Виноградов А. В.* Китайская модель модернизации. Поиски новой идентичности. М. : НОФМО, 2008. 363 с. ; *Дабагян Э.* Партнеры XXI века. Китайская «экспансия» в Латинскую Америку [Электронный ресурс]. 2008. URL: http://www.stoletie.ru/geopolitika/partneri_veka.htm (дата обращения: 02.12.2018) ; *Дабагян Э. С.* Венесуэла после Уго Чавеса // *МЭиМО.* 2014. № 7. С. 66–76 ; *Его же.* Китайский прорыв в Латинскую Америку // *МЭиМО.* 2012. № 10. С. 84–91 ; *Давыдов В. М.* Латинская Америка в современной мировой политике М. : Наука, 2009. 581 с. ; *Дергачёв В.* Геополитическая трансформация Латинской Америки // *Вестн. аналитики.* 2013. № 2–3 ; *Децюань Ч.* Мировой порядок в XXI веке: взгляд из Китая // *МЭиМО.* 2013. № 6. С. 102–109 ; *Каплан Р.* География китайской мощи. Как далеко может распространиться влияние Китая на суше и на море? // *Россия в глобальной политике.* 2010. № 4. С. 68–82 ; *Лексютина Я. В.* Китай – активный игрок на просторах Латинской Америки // *Латинская Америка.* 2012. № 8. С. 16–29 ; *Примера М.* Экспансия Китая в Латинской Америке [Электронный ресурс]. 2013. URL: <https://inosmi.ru/world/20130514/208970711.html> (дата обращения: 23.02.2019) ; *Пятаков А.* Китай и боливарианский сегмент Латинской Америки [Электронный ресурс] // *Свободная мысль.* 2018. № 6. URL: <http://svom.info/entry/846-kitaj-i-bolivarianskij-segment-latinskoj-ameriki/> (дата обращения: 10.10.2018) ; *Резников И. В.* Основные подходы к деятельности КНР в Латинской Америке // *Журн. МПиМО.* 2013. № 2. С. 58–63 ; *Розенталь Д. М.* Дракон над Каракасом. Китайско-венесуэльские отношения в начале XXI в. // *Латинская Америка.* 2016. № 3. С. 39–50 ; *Сафронова Е. И.* КНР – развивающиеся страны: история и концептуальная база отношений (1949–2013 гг.) (на примере Африки и Латинской Америки). М. : ИДВ РАН, 2016 ; *Ее же.* Проект «Один пояс и один путь» в контексте стран Африки и Латинской Америки. Китай в мировой и региональной политике. История и современность. М. : ИДВ РАН, 2016. Выпуск XXI ; *Стратегическое партнерство Китая и Венесуэлы* [Электронный ресурс]. 2011. URL: <http://www.rodon.org/polit-110909110710> (дата обращения: 08.02.2018) ; *Цзопин Х.* Пред-

посылки формирования теории социализма «с китайской спецификой» // Социология власти. 2011. № 2. С. 74–80 ; *Челядинский А. А.* Венесуэла: от Боливара до Чавеса. Минск : Право и экономика, 2013–2014 ; *Его же.* Эволюция сотрудничества Китайской Народной Республики со странами Латинской Америки [Электронный ресурс]. 2013. URL: <https://articlekz.com/article/11801> (дата обращения: 14.09.2018) ; *Юроть М. Г.* Концептуальные особенности венесуэло-китайского сближения в начале XXI в. // Международные отношения: история, теория, практика : материалы VIII науч.-практ. конф. молодых ученых фак. междунар. отношений БГУ, Минск, 1 февр. 2018 г. / Белорус. гос. ун-т ; редкол.: В. Г. Шадурский (отв. ред.) [и др.]. Минск : БГУ, 2018. С. 68–71 ; *Юроть М. Г.* Социально-политические аспекты венесуэло-китайских отношений // 75-я научно-практическая конференция студентов, магистрантов и аспирантов, Минск, 19 апр. 2018 г. ; *Юроть М. Г., Чесновский М. Э.* Предпосылки развития венесуэло-китайских отношений в начале XXI в. // Исследование международных отношений в Республике Беларусь: состояние и перспективы : респ. науч.-практ. семинар. Минск, БГУ, 27 сент. 2018 г. // Белорусско-российские отношения на современном этапе: состояние и перспективы развития : материалы круглых столов / Белорус. гос. ун-т ; редкол.: В. Г. Шадурский (пред.) [и др.]. Минск : БГУ, 2018. С. 83–86 ; *Яковлев П. П.* Геополитические развороты стран Латинской Америки // МЭиМО. 2014. № 7. С. 55–66.

2. *Blanchard J. F.* Political aspects of chinese investment in Latin America [Electronic resource] // Revista tempo do mundo. 2016. № 2. URL: http://repositorio.ipea.gov.br/bitstream/11058/6540/1/TdM_v2_n2_Political.pdf (date of access: 23.03.2019) ; *Chinese dragon in Latin America: China is forcing the US out of the region* [Electronic resource]. 2017. URL: <https://eadaily.com/en/news/2017/12/11/chinese-dragon-in-latin-america-china-is-forcing-the-us-out-of-the-region> (date of access: 05.03.2018) ; *García Agustín Ó.* Venezuela and China: Independency and Dependency in the Context of Interdependent Hegemony [Electronic resource]. 2016. URL: <https://journals.aau.dk/index.php/jcir/article/view/1591/1291> (date of access: 05.01.2018) ; *Gedan B. N.* China's Venezuela Policy Is Losing Popularity – in China [Electronic resource]. 2018. URL: <https://www.americasquarterly.org/content/change-coming-chinas-venezuela-policy> (date of access: 10.01.2018) ; *Mijares V. M.* Soft Balancing the Titans: Venezuelan Foreign-Policy Strategy Toward the United States, China, and Russia // Latin American Policy Volume 8. 2017. № 2. P. 201–231 ; *Peters E.* Beyond Raw Materials Who are the Actors in the Latin America and Caribbean-China Relationship? Pittsburgh : University of Pittsburgh. Center of Latin American Studies, 2015 ; *Xu Y.* China's Strategic Partnerships in Latin America: Case Studies of China's Oil Diplomacy in Argentina, Brazil, Mexico and Venezuela (1991–2015). London : Lexington Books, 2017. 157 p.

3. *Чесновский М. Э., Юроть М. Г.* Венесуэло-китайские отношения (2001–2017 гг.) : пособие. Минск : БГУ, 2019. 118 с.

ШИ ВЭЙ

Белорусский государственный университет; пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь; 806317090@qq.com

«ОДИН ПОЯС И ОДИН ПУТЬ» – НОВАЯ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКАЯ СТРАТЕГИЯ КНР

Рассматривается определение инициативы «Один пояс и один путь» (ОПОП). Проанализирована специфика инициативы ОПОП и обобщены разные мнения о ее ориентации. Особое внимание уделяется анализу роли инициативы ОПОП в государственной стратегии и внешней политике Китая.

Ключевые слова: инициатива «Один пояс и один путь»; развитие; внешняя политика; всесторонняя открытость.

SHI WEI

Belarusian State University; Nezavisimosti ave., 4,
220030, Minsk, Belarus; 806317090@qq.com

ONE BELT ONE ROAD – CHINA'S NEW FOREIGN POLICY STRATEGY

The article discusses the definition of the «One belt, one road» initiative. The author analyzed the specifics of the initiative and discussed different opinions about its orientation. Special attention is paid to the analysis of the role of the initiative in the state strategy and in China's foreign policy.

Keywords: one belt, one road initiative; development; foreign policy; comprehensive openness.

Осенью 2013 г. председатель КНР Си Цзиньпин впервые обнародовал концепцию «Один пояс и один путь» (ОПОП), целью которой являлось содействие всесторонней открытости и укрепление сотрудничества Китая с другими странами.

Китайское руководство высоко оценило эту инициативу и многократно отмечало ее на разных собраниях, важных встречах и официальных мероприятиях внутри страны и за рубежом, в связи с чем за короткое время инициатива ОПОП стала государственной стратегией, определяющей внутреннее развитие Китая и его дипломатическую деятельность.

Реакция международного общества на инициативу ОПОП была неоднозначной. В целом крупные мировые державы и влиятельные государства, такие как США, Россия, Япония и Индия, восприняли инициативу настороженно, руководствуясь геополитическими и геоэкономическими интересами. Развивающиеся страны с отсталой инфраструктурой, напротив, поддержали эту инициативу, рассчитывая на привлечение иностранных инвестиций.

В связи с тем, что инициатива ОПОП не имеет четких целей, сроков реализации, конкретных проектов и определенной границы, исследователи дают ей определение с разных позиций. Например, некоторые иностранные специалисты рассматривают инициативу ОПОП как глобальный инфраструктурный проект, призванный помочь Китаю преодолеть свои экономические трудности [1]. Другие считают, что, реализуя инициативу ОПОП, Китай стремится изменить существующую геополитическую картину и занять ведущее место в международных делах [2]. Есть также мнение, что инициатива ОПОП углубляет и продолжает политику реформ и открытости Дэн Сяопина и направлена на ускоренное развитие западных провинций Китая и защиту их стабильности [3].

В вопросе причин выдвижения инициативы ОПОП китайские исследователи тоже не пришли к консенсусу. Одни эксперты, исходя из международной стратегической обстановки, считают, что инициатива ОПОП является ответом на геополитическую блокаду США. Директор Института международной стратегии Пекинского университета Ван Цзисы в статье «Наступление на запад – Китайский вариант восстановления мирового геостратегического баланса» отметил, что с целью избежать жесткой конкуренции с США и его партнерами в Азиатско-Тихоокеанском регионе Китай должен найти стратегический выход на запад [4]. Другие считают, что рождение инициативы ОПОП связано с потребностями китайской экономики. Профессор Пекинского университета Линь Ифу и известный экономист У Цзинлянь предполагают, что при помощи крупных валютных резервов Китай может закупить иностранные ресурсы, инвестировать капитал в иностранную инфраструктуру с целью экспортировать избыточные производственные мощности, тем самым избегая такой экономической проблемы, как неразумная трата ресурсов и местные займы [4]. Некоторые эксперты придерживаются мнения, что выдвижение инициативы ОПОП обусловлено как требованием внутреннего развития, так и влиянием международной обстановки. Профессор Гао Фэй

из Дипломатической академии указывает, что инициатива ОПОП может не только содействовать экономическим преобразованиям страны, но и сформировать новые международные отношения [5]. Бывший замминистра внешней торговли и экономического сотрудничества КНР Лун Юнту считает, что инициатива ОПОП представляет собой идеальный вариант для единого и всестороннего планирования внутренней и внешней политики [6].

Инициатива ОПОП все время находится в процессе развития и совершенствования. В силу этого ее теоретические основы и стратегическая структура становятся все более четкими. В июне 2016 г. председатель КНР Си Цзиньпин во время пребывания в Узбекистане обобщил результаты, достигнутые на протяжении трех лет реализации инициативы ОПОП, и предложил сделать Шелковый путь «зеленым, здоровым, интеллектуальным, мирным» [7].

Эти новые установки обозначают направления реализации инициативы ОПОП. «Зеленый» Шелковый путь требует адекватного решения проблемы взаимосвязи экономического роста и охраны окружающей среды в ходе реализации инициативы ОПОП. «Здоровый» Шелковый путь требует улучшить систему здравоохранения в тех странах, которые являются странами – участниками инициативы ОПОП. «Интеллектуальный» Шелковый путь обращает внимание на подготовку специалистов и обмен передовыми технологиями. «Мирный» Шелковый путь стремится к устойчивости и безопасности региона.

В китайских официальных документах инициатива ОПОП определяется как стратегический вариант и крупномасштабное мероприятие для расширения открытости Китая [8]. Во-первых, инициатива ОПОП привнесла новый смысл в архитектуру всесторонней открытости: восточный приморский район больше не является единственным центром открытости, закрытый западный регион превращается в передовой край открытости. Директор исследовательского института ОПОП при Пекинском педагогическом университете Ху Билян отметил, что в рамках инициативы западный регион Китая стал центром евразийского материка, а юго-западные регионы – центром Индокитайского экономического коридора [9].

Во-вторых, инициатива ОПОП меняет структуру и специфику политики открытости Китая. В отличие от существовавшего ранее одностороннего привлечения иностранного капитала, технологий,

опыта управления и специалистов в Китай в рамках инициативы китайские предприятия начали инвестировать капитал в другие страны, в следствие чего движение капитала, технологий и кадров становится двухсторонним. Благодаря инициативе ОПОП происходит ускорение процесса выхода китайских строительных компаний на внешний рынок, все больше и больше частных компаний может получить возможность начать сотрудничество за рубежом [10]. Содержание сотрудничества с другими странами стало более разносторонним: в области медицины, образования и финансов Китай начал сотрудничество со странами, располагающимися вдоль ОПОП.

В КНР внешняя политика является частью внутренней политики и должна служить внутреннему развитию страны [11]. Таким образом, инициатива ОПОП может быть перенесена из сферы внутренней политики в сферу внешней политики.

В ноябре 2012 г. был созван XVIII съезд КПК, к власти пришло пятое поколение руководителей КНР. Учитывая внутреннее и международное положение страны, новое руководство Китая во главе с Си Цзиньпином проектировало дипломатию большой страны с китайской спецификой, которая характеризуется активностью и новизной. Прежде всего, в отличие от предыдущей самоидентификации в качестве «страны Восточной Азии», Китай начал называть себя «центральной страной Азии» или «страной восточной оконечности Евразийского континента». Отказавшись от внешнего курса «таогуан янхуэй» (скрывать свои возможности и держаться в тени), Китай стал придерживаться более активной внешней политики.

В-третьих, повысилась значимость соседних стран в новой китайской дипломатической тактике: они занимают одинаково важное место наряду с США [12]. В конце октября 2013 г. прошла конференция по вопросам дипломатических отношений, где председатель КНР Си Цзиньпин выдвинул новые концепции «дружественность», «искренность», «выгодность» и «толерантность», которые определяют дипломатическую деятельность в соседних странах [13].

Целью дипломатии большой страны с китайской спецификой является осуществление китайской мечты и великого возрождения китайской нации, создание сообщества единой судьбы человечества, а конкретное средство ее реализации включает создание «Азиатско-Тихоокеанской зоны свободной торговли», непрерывное продвижение реализации инициативы ОПОП, создание Азиатского банка инфраструктурных инвестиций и фонда Шелкового пути [14].

В марте 2015 г. министр иностранных дел Ван И заявил, что ключевые слова китайской дипломатии в 2015 г. – «один пояс и один путь», мир и развитие [15]. Это значит, что инициатива ОПОП включена в дипломатию большой страны с китайской спецификой. Профессор, директор кафедры международных стратегий Института мировой экономики и политики при КАОН Сюе Ли указал, что инициатива ОПОП может определять китайскую внешнеполитическую деятельность в ближайшие 8–10 лет [16].

Инициатива ОПОП может играть роль двигателя в реализации дипломатии большой страны с китайской спецификой. Прежде всего в рамках инициативы ОПОП государства, располагающиеся вдоль ОПОП, могут усилить сотрудничество и совместно создать сообщество единой судьбы человечества. Например, можно укрепить стратегическое взаимное доверие между Китаем и другими странами, расширить пространство сотрудничества и соединить региональные рынки, проводить межгосударственные антитеррористические операции [17].

Кроме того, инициатива ОПОП может поспособствовать установлению хороших отношений Китая с соседними странами, осуществлению китайской дипломатической концепции «дружелюбие, искренность, взаимовыгодность и толерантность» [17].

Выводы. Инициатива ОПОП, наследуя дух древнего Шелкового пути и соответствуя современным тенденциям, представляет собой основу всесторонней открытости Китая. При этом инициатива ОПОП представляет собой средство для реализации дипломатии большой страны с китайской спецификой и может оказать большое влияние на другие страны. С одной стороны, инициатива ОПОП представляет собой результат экономического развития Китая, с другой – она может не только содействовать экономическому развитию страны, но и обеспечить процветание всего региона.

Библиографические ссылки

1. *Борисова Ю. М.* Политика Китая на постсоветском пространстве. Инициатива «Один пояс и один путь» // Проблемы постсовет. пространства. 2017. № 3. С. 202–209.
2. *Сирота Н. М., Мохоров Г. А., Хомелева Р. А.* Китай в современной геополитической картине мира // Актуальные проблемы развития современной науки и образования. 2018. С. 187–196.
3. *Киреева А. А.* Инициатива пояса и пути: содержание, цели, значение // Сравнительная политика. 2018. № 3. С. 61–74.

4. 赵可金-Чжао Кэцзинь. 一带一路的中国方略研究-Исследование китайской стратегии «Один пояс и один путь» // 新疆师范大学学报(Вестн. Синьцзянского пед. ун-та). 2016. № 1. 第22–33页(С. 22–33) (на кит. яз.).
5. 张弛-Чжан Чи. 一带一路的战略定位与基本内涵 学术研讨会综述-Обзор научно-го семинара: стратегическая позиция и содержание инициативы ОПОП // 中国周边外交学刊-Соседная дипломатия. 2015. № 2. 第229–239页(С. 229–239) (на кит. яз.).
6. 龙永图-Лун Юнту. 一带一路战略与中国对外开放战略的新特点-Стратегия ОПОП и новые особенности стратегии открытости Китая // 区域经济评论-Комментарий региональной экономики. 2016. № 5. 第5–8页(С. 5–8) (на кит. яз.).
7. 何茂春-Хэ Маочунь, 郑维伟-Чжэн Вэйвэй. 一带一路战略构想从模糊走向清晰 (Стратегическая идея ОПОП: из размытия до четкости) // 新疆师范大学学报(Вестн. Синьцзянского пед. ун-та). 2017. № 6. 第77–92页(С. 77–92) (на кит. яз.).
8. Председатель КНР Си Цзиньпин об инициативе «Один пояс и один путь» [Электронный ресурс]. 2017. URL: <http://russian.people.com.cn/n3/2017/0512/c31521-9214443.html> (дата обращения: 11.12.2019).
9. 刘方平-Лю Фанпин/一带一路: 引领新时代中国对外开放新格局 (Инициатива ОПОП: новая структура открытости Китая в новую эпоху) // 甘肃社会科学 (Общественная наука Ганьсу). 2018. № 2. 第64–70页(С. 64–70) (на кит. яз.).
10. 一带一路” 开启对外开放新时代 (Инициатива ОПОП открыла новую эпоху внешней открытости) [电子信息 (Электронный ресурс)]: 人民日报 (Жэньминь жибао). 2018. URL: <http://sn.people.com.cn/n2/2018/0509/c190199-31554644.html> (存取日期 дата обращения: 22.02.2020) (на кит. яз.).
11. 张清敏-Чжан Цинминь. 中国对外关系的国内管理和内外统筹 (Управление внешней политикой Китая и ее планирование с внутренней политикой) // 世界经济与政治 (Мировая экономика и политика). 2013. № 8. 第117–138页(С. 117–138) (на кит. яз.).
12. 薛力-Сюе Ли. “一带一路”背景下的中国周边外交方略 (На фоне ОПОП дипломатический плана Китая в сопредельных государствах) [电子信息 (Электронный ресурс)] // 爱思想(Любить мысли). URL: <http://www.aisixiang.com/data/96164.html> (存取日期 дата обращения: 29.05.2018) (на кит. яз.).
13. 透视习近平周边外交理念: 亲诚惠容打造命运共同体 (Анализ дипломатической концепции Си Цзиньпина: «дружественность, искренность, выгодность и толерантность» создают сообщество единой судьбы) [电子信息 (Электронный ресурс)] // 中国新闻网 (Китайская новость). 2014. URL: <http://www.chinanews.com/gn/2014/10-10/6660509.shtml> (存取日期 дата обращения: 22.02.2020) (на кит. яз.).
14. 王帆-Ван Фань. 中国特色大国外交: 缘起, 成就与发展(Дипломатия большой страны с китайской спецификой: источник, успехи и развитие) [电子信息(Электронный ресурс)] // 当代世界 (Дандай шицзе). URL: <http://cpc.people.com.cn/n1/2017/0718/c191094-29412100.html> (存取日期 дата обращения: 29.05.2018) (на кит. яз.).
15. «Один пояс и один путь» – это китайская инициатива с возможностями для всего мира [Электронный ресурс] // Жэньминь жибао URL: <http://russian.people.com.cn/n3/2016/0313/c31521-9029478.html> (дата обращения: 19.02.2020) (на кит. яз.).
16. 薛力-Сюе Ли. 一带一路战略是大国阳谋 (Стратегия ОПОП – тактика большой страны) [电子信息 (Электронный ресурс)] // 爱思想 (Любить мысли). URL: <http://www.aisixiang.com/data/95147.html> (存取日期 дата обращения: 29.05.2018) (на кит. яз.).
17. 孙现朴-Сунь Сененьпуа. 一带一路” 与大周边外交格局的重塑 (Инициатива ОПОП и перестройка дипломатии в соседних сопарах) // 云南社会科学 (Социальные науки в провинции Юньнань). 2016. № 3. 第1–6页(С. 1–6) (на кит. яз.).

ШИ ДАНЬДАНЬ

Белорусский государственный университет; пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь; dandanshi@yandex.by

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ СОТРУДНИЧЕСТВА КНР И ЮНЕСКО (2014–2019 гг.)

Рассматриваются основные направления сотрудничества между Китаем и ЮНЕСКО после первого в истории визита высшего китайского руководства в штаб-квартиру Организации: содействие развитию образования в Африке и половому равенству; поддержка образования девочек и женщин; охрана Всемирного наследия ЮНЕСКО и обмен опытом в данной области; реализация инициативы «Один пояс и один путь». Автор аргументировано утверждает, что для повышения «мягкой силы» китайской культуры, укрепления положительной репутации и авторитета страны, преодоления представлений о «китайской угрозе» Пекин заинтересован в интенсификации межкультурного диалога и сотрудничества на платформе многосторонней культурной дипломатии.

Ключевые слова: КНР; ЮНЕСКО; многосторонняя культурная дипломатия; образование девочек и женщин; охрана Всемирного наследия; многообразие культур; «Гармоничный мир»; «Сообщество с единой судьбой»; «Один пояс и один путь».

SHI DANDAN

Belarusian State University; Nezavisimosti ave., 4,
220030, Minsk, Belarus; dandanshi@yandex.by

MAIN ASPECTS OF COOPERATION BETWEEN PRC AND UNESCO (2014–2019)

The article discusses the main areas of cooperation between China and UNESCO since the first visit of UNESCO's headquarters to China's top leaders: promoting the development of education and gender equality in Africa; supporting education for girls and women; Exchange of experience in this area; implementation of the "Belt and Road" initiative. The author believes that in order to enhance the "soft power" of Chinese culture, strengthen the country's reputation and authority, and overcome the understanding of the "China threat" theory, Beijing is interested in strengthening cross-cultural dialogue and cooperation on the platform of multilateral cultural diplomacy.

Keywords: PRC; UNESCO; multilateral cultural diplomacy; education of women and girls; World Heritage Protection, cultural diversity; Harmonious world; Community of shared future for mankind.

Китай, будучи авторитетным членом и богатым спонсором ЮНЕСКО, играет значимую роль в международном культурном взаимодействии на глобальном уровне. Пекин накопил ценный опыт по охране культурного наследия и в настоящее время принимает активное участие в дискуссиях по вопросам соотношения культуры и развития, вносит весомый вклад в научно-технической области и в сфере образования в рамках сотрудничества Юг – Юг, взаимодействует с Организацией в целях реализации инициативы «Один пояс и один путь».

27 марта 2014 г. состоялся первый в истории официальный визит Председателя КНР (Си Цзиньпина) в штаб-квартиру ЮНЕСКО. Тогдашний генеральный директор Организации Ирина Бокова назвала это событие историческим и подчеркнула, что «устоявшиеся отношения между Организацией и Китаем продолжают набирать силу». По ее оценке, визит стал символом общих ценностей, свидетельством намерения Китая инвестировать в «мягкую силу» с целью открыть новую эпоху экономического и социального развития [1]. В свою очередь Си Цзиньпин отметил, что человеческая культура многогранна, а разнообразие и равенство культур придают большую ценность взаимообменам цивилизаций. Движущей силой таких взаимообменов являются восприимчивость культур и толерантность, «только путем обмена и взаимного обучения цивилизация может наполниться жизненной силой» [2].

После визита Си Цзиньпина в Париж прошло более пяти лет. Какие же успехи в сотрудничестве между Китаем и ЮНЕСКО за эти годы можно отметить? 25 июля 2017 г. помощник генерального директора ЮНЕСКО Э. Фальт в интервью корреспонденту «Синьхуа» отметил, что Организация и Китай наладили плодотворное сотрудничество в содействии прогрессу в области развития в Африке и охраны Всемирного наследия. По словам Э. Фальта, «приоритетом во взаимодействии между Китаем и Организацией является содействие развитию образования в Африке и половому равенству» [3].

Об оказании поддержки Китая Африке в рамках проектов Организации свидетельствует ряд документов, наиболее значимым из которых является Соглашение об установлении целевого фонда (в размере 8 млн долл. США) в целях развития образования Африки, подписанное в марте 2012 г. заместителем министра образования КНР, директором китайской Национальной комиссии по делам

ЮНЕСКО Хао Пином и генеральным директором И. Боковой. Средства расходовались на протяжении 2013–2016 гг., причем приоритетным субъектом поддержки стал учитель [4].

Отметим, что китайское правительство начало сотрудничать с Организацией в области развития образования Африки еще в 2007 г., когда Китай выделил 1 млн долл. США на поддержку Международного института ЮНЕСКО по созданию потенциала в Африке и Международного центра ЮНЕСКО по образованию девочек и женщин в Африке [4]. В октябре 2015 г. правительство КНР представило Генеральному директору предложение об учреждении и финансировании «Премии ЮНЕСКО за достижения в области образования девочек и женщин» [5]. 6 июня 2016 г. первая леди Китая Пэн Лиюань в качестве специального посланника ЮНЕСКО участвовала в церемонии вручения первой такой премии, которая состоялась в Пекине. Она отметила, что установление премии будет служить «примером содействия всеобщему доступу к качественному образованию для девочек и женщин» [6].

Необходимо подчеркнуть, что по состоянию на 2019 г. в Списке Всемирного наследия ЮНЕСКО насчитывается 1121 объект, 55 из них находятся в Китае. Это самый высокий показатель среди стран мира [7]. После визита председателя КНР в штаб-квартиру ЮНЕСКО в список Всемирного наследия добавлено 10 новых объектов Китая: Великий канал (2014 г.), участок Шелкового пути (2014 г.), архитектурный комплекс китайских правителей «тусы» (2015 г.), культурный ландшафт наскального искусства Цзоцзян Хуашань (2016 г.), Шэньнунцзя в провинции Хубэй (2016 г.), заповедник Кукушили в провинции Цинхай (2017 г.), международное историческое поселение Кулангсу (2017 г.), Гора Fanjingshan (2018 г.), китайские ареалы обитания перелетных птиц вдоль побережья Желтого моря и залива Бохай (2019 г.), руины древнего китайского города Лянчжу (2019 г.) [8].

В реестр памятников мира ЮНЕСКО включено 4 новых объекта Китая: архивы Нанкинской резни (2015 г.), древние китайские письма «цзягувэнь» (2017 г.), архивы образцов Сучжоуского шелка (2017 г.), архивы династии Цин в Макао (2017 г.) [9]. В Список нематериального культурного и природного наследия включены 2 новых объекта: 24 сезона китайского сельскохозяйственного календаря (2016 г.), лечебные ванны лам-врачевателей по тибетской науке об исцелении Сова Ригпа (2018 г.) [10].

Благодаря большому числу памятников всемирного наследия и позиции руководства по их охране страна накопила богатый опыт в этой сфере. 10 июня 2016 г. китайское правительство постановило ежегодно отмечать вторую субботу июня как День культурного и природного наследия в целях повышения сознательности граждан Китая в области охраны всемирного наследия и выражения поддержки усилиям ЮНЕСКО [11]. Помимо этого, в Китае был учрежден институт государственного уровня по изучению всемирного наследия, и некоторые университеты в Китае создали специализированные учреждения для исследования культурного и природного наследия, например центр изучения всемирного наследия при Пекинском университете и институт исследования культурного и природного наследия при Нанкинском университете [12; 13]. Появление таких специализированных учреждений свидетельствует о том, что больше внимание страна уделяет охране всемирного наследия.

Согласно решению 43-й сессии Комитета Всемирного наследия ЮНЕСКО, проходившей в городе Баку (июль 2019 г.), 44-я сессия Комитета должна состояться в городе Фучжоу спустя год [14]. В июле 2019 г. Цзин Фэн, директор Азиатско-Тихоокеанского департамента Центра Всемирного наследия ЮНЕСКО, в интервью газете «Жэньминь» отметил важный вклад Китая в защиту всемирного наследия [15]. Эти примеры подтверждают результативность усилий Китая по реализации Конвенции об охране всемирного культурного и природного наследия, к которой Пекин присоединился в 1985 г.

Рассматривая основные направления сотрудничества между Китаем и ЮНЕСКО с 2014 по 2019 гг., необходимо отметить взаимодействие в рамках инициативы «Один пояс и один путь», впервые выдвинутой Си Цзиньпином в сентябре 2013 г. в Назарбаев Университете (Астана) [16]. 22 июня 2014 г. по решению 38-й сессии Комитета Всемирного наследия Шелковый путь вошел в Список Всемирного наследия ЮНЕСКО [17].

22 мая 2015 г. в городе Сиане (провинция Шэньси) состоялось первое международное заседание участников Международной сети онлайн-платформы ЮНЕСКО Шелковый путь, в котором приняли участие 15 государств-членов (Китай, Египет, Франция, Индия, Исламская Республика Иран, Республика Корея, Оман, Российская Федерация, Сенегал, Испания, Таджикистан, Турция, Узбекистан, Великобритания и Япония). Совещание было организовано ЮНЕСКО совместно с китайской корпорацией культурной индустрии «Датан Сиши», которая является ведущей в этой сфере на провинциальном

уровне [18]. Тогда же произошло взаимное соединение официального сайта корпорации с официальным сайтом ЮНЕСКО. «Датан Сиши» стала первым предприятием в Китае, достигнувшим сетевого взаимодействия с Организацией [19].

13 мая 2017 г., накануне Второго международного форма «Один пояс и один путь», генеральный директор ЮНЕСКО И. Бокова и заместитель премьера Госсовета Китая Лю Яньдун подписали Меморандум о взаимопонимании между ЮНЕСКО и КНР, в котором заявлялось о намерении усилить сотрудничество в рамках инициативы «Один пояс и один путь» и определялись его основные направления на 2018–2020 гг. Министр образования Китая Чэн Баошэн, принявший участие в этом событии, информировал о намерении китайского правительства предоставить 30 тысяч стипендий для реализации инициативы в сфере образования. В тот же день состоялась церемония, посвященная возобновлению публикации журнала «Курьер ЮНЕСКО» при финансовой поддержке Китая. По оценке И. Боковой, возрождение журнала благодаря акции Пекина стало доказательством «совпадения ценностей и целей двух сторон» [20].

Таким образом, в условиях бурного развития экономики Китая руководители пятого поколения все более осознают необходимость использования «мягкой силы» в рамках многосторонней дипломатии с целью обогащения национальной культуры и ее дальнейшего развития, укрепления позитивного имиджа страны, роста ее международного авторитета. В рассматриваемый период наиболее результативным было взаимодействие с ЮНЕСКО по вопросам образования девочек и женщин в Африке, а также охране Всемирного культурного наследия. Сотрудничество с Организацией созвучно с идеями «гармоничного мира» и «сообщества с единой судьбой», предложенными китайским руководством мировому сообществу, и в немалой степени способствует их реализации.

Библиографические ссылки

1. Председатель КНР Си Цзиньпин нанес исторический визит в ЮНЕСКО [Электронный ресурс] // ЮНЕСКО. URL: <https://ru.unesco.org/news/председатель-кнр-си-цзиньпин-нанес-исторический-визит-в-юнеско/> (дата обращения: 03.10.2018).

2. Си Цзиньпин цзай лянхэго цзяокэвэнь цзучжи цзунбу дэ яньцзын = Выступление Си Цзиньпина в штаб-квартире ЮНЕСКО [Электронный ресурс] // Синьхуа ван = Новостная сеть Синьхуа. 28.03.2014. URL: http://www.xinhuanet.com/world/2014-03/28/c_119982831.htm/ (дата обращения: 03.10.2018) (на кит. яз.).

3. Эксклюзив: Китай внес огромный вклад в содействие развитию образования и международному сотрудничеству – помощник главы ЮНЕСКО Э. Фальт [Электронный ресурс] // Синьхуа Новости. 25.07.2017. URL: http://russian.news.cn/2017-07/25/c_136471929.htm/ (дата обращения: 03.10.2018).

4. Чжунго юй цзяокэвэнь цзучжи цзяньшу синьтоцзицзинь сеи юнъюй фэйчжоу цзяоюй фачжань = Соглашение о установлении целевого фонда с целью развития образования Африки между Китаем и ЮНЕСКО [Электронный ресурс] // UNESCOPRESS. 02.30.2012. URL: http://www.unesco.org/new/zh/goodwill-ambassadors/news-single-view/news/china_signs_funds_in_trust_agreement_with_unesco_to_support/ (дата обращения: 03.10.2018) (на кит. яз.).

5. Учреждение премии ЮНЕСКО за достижения в области образования девочек и женщин [Электронный ресурс] // UNESDOC. 14.10.2016. URL: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000235004_rus/ (дата обращения: 03.10.2018).

6. В Пекине состоялась церемония вручения новой Премии за вклад в образование девочек и женщин [Электронный ресурс] // ЮНЕСКО-Пресс. 07.06.2016. URL: http://www.unesco.org/new/ru/media-services/single-view/news/in_beijing_new_prize_shines_spotlight_on_heroes_of_girls/ (дата обращения: 03.10.2018).

7. World Heritage List [Электронный ресурс] // UNESCO. URL: whc.unesco.org/en/list/ (дата обращения: 03.10.2019) (на англ. яз.).

8. Шицзе и чань минлу шоулу дэ чжогоу и чань = Китайские наследия в Списке всемирного наследия ЮНЕСКО [Электронный ресурс] // Чжохуа жэнминь гунхэгоу цзяоюйбу = Министерство образования КНР. URL: http://www.moe.gov.cn/s78/A23/A23_wjzl/201906/t20190624_387308.html/ (дата обращения: 03.10.2019) (на кит. яз.).

9. Шицзе цзии минлу шоулу дэ вогоу данань вэньсянь = Китайские архивы в реестре памятников мира ЮНЕСКО [Электронный ресурс] // Чжохуа жэнминь гунхэгоу цзяоюйбу = Министерство образования КНР. URL: http://www.moe.gov.cn/s78/A23/A23_wjzl/201906/t20190624_387309.html/ (дата обращения: 03.10.2019) (на кит. яз.).

10. Чжохуа жэнминь гунхэгоу цзяоюйбу = Министерство образования КНР [Электронный ресурс] // Жэньлей фэйчжжи вэньхуа ичань дайбяо цзо минлу шоулу дэ чжогоу фэйчжжи вэньхуа ичань = Китайские наследия в Списке нематериального и культурного наследия ЮНЕСКО. URL: http://www.moe.gov.cn/s78/A23/A23_wjzl/201906/t20190624_387312.html/ (дата обращения: 03.10.2019) (на кит. яз.).

11. Гоююань гуанюй туни шэли вэньхуа хэ цзыжаньичанжи дэ пифу = Утверждение Госсовета о установлении «День культурного и природного наследия в Китае [Электронный ресурс] // Гоююань = Госсовет КНР. 09.09.2016. URL: http://www.gov.cn/zhengce/content/2016-09/29/content_5113289.htm/ (дата обращения: 03.10.2018) (на кит. яз.).

12. Китай играет значимую роль в международной культурной области – гендиректор ЮНЕСКО [Электронный ресурс] // Жэньминь ван = интернет-версия Жэньминь жибао. 21.01.2010. URL: <http://russian.people.com.cn/31520/6874980.html/> (дата обращения: 03.10.2018) (на кит. яз.).

13. Чжунго цзянцзянь шицзе ичань яньцзюхэ баоху чжунгаоцзи жэньцзй пэйсюнь цзигуо = В Китае создадут учреждение подготовки специалистов по изу-

чению и охране всемирного наследия [Электронный ресурс] // Чжунго ван = Китайский информационный Интернет-центр. 29.06.2004. URL: <http://china.com.cn/chinese/zhuanti/28ycdh/597415.htm/> (дата обращения: 03.10.2018) (на кит. яз.).

14. Следующая сессия Комитета всемирного наследия состоится в Фучжоу (Китай) в 2020 году [Электронный ресурс] // ЮНЕСКО. 09.07.2019. URL: <https://ru.unesco.org/news/sleduyushchaya-sessiya-komiteta-vsemirnogo-naslediya-sostoitsya-v-fuchzhou-kitay-v-2020-godu/> (дата обращения: 03.10.2018).

15. Чжунго вэй шицзе ичан баоху цзочу чжуняо гунсянь = Китай внес большой вклад в охрану всемирного наследия [Электронный ресурс] // Жэньминь жибао. 27.07.2019. URL: http://paper.people.com.cn/rmrb/html/2019-07/27/nw.D110000renmrb_20190727_4-03.htm/ (дата обращения: 03.10.2018) (на кит. яз.).

16. Выступление Председателя КНР Си Цзиньпина в Назарбаев Университете [Электронный ресурс] // Посольство КНР в Республике Казахстан. 16.09.2013. URL: <http://kz.chineseembassy.org/rus/zhgx/t1077192.htm/> (дата обращения: 03.10.2018).

17. Шелковый путь вошел в Список Всемирного наследия ЮНЕСКО [Электронный ресурс] // ЮНЕСКО. 23.06.2014. URL: <http://ru.unesco.kz/the-silk-roads-have-been-inscribed-to-the-unesco-world-heritage-list/> (дата обращения: 03.10.2018).

18. Первое заседание участников Международной сети онлайн-платформа ЮНЕСКО «Шелковый путь»: новый этап инициативы ЮНЕСКО «Шелковый путь» [Электронный ресурс] // ЮНЕСКО. URL: <https://ru.unesco.org/news/pervoe-zasedanie-uchastnikov-mezhdunarodnoy-seti-onlayn-platformy-yunesko-shyolkovuyu-put-novuyu/> (дата обращения: 03.10.2018).

19. Ляньхэго цзяокэвэнь цзучжи шоуцзе сычоу чжилу ванло пинтай гоцзи дахуэй лянсян сиань = Первое международное заседание международной сети онлайн-платформы ЮНЕСКО «Шелкового пути» состоялось в городе Сиане [Электронный ресурс] // huanqiu Net. 22.05.2015. URL: <https://world.huanqiu.com/article/9CaKrnJLj0y/> (дата обращения: 03.10.2018) (на кит. яз.).

20. Синьсеи вэй цзяцзя юй чжунго дэ хэцзо цюедин фансян = Новое соглашение определяет направления для укрепления сотрудничества с Китаем [Электронный ресурс] // UNESCO. 13.05.2017. URL: http://www.unesco.org/news/zh/goodwill-ambassadors/news-single-view/news/new_agreement_sets_course_for_strengthened_cooperation_with/ (дата обращения: 03.10.2018) (на кит. яз.).

К. И. ЯРМОШУК¹⁾, Ю. И. МАЛЕВИЧ²⁾

¹⁾Белорусский государственный университет; пр. Независимости, 4,
220030, Минск, Беларусь; karinayarmoshuk@gmail.com

²⁾Белорусский государственный университет; пр. Независимости, 4,
220030, Минск, Беларусь; malejill@rambler.ru

УГРОЗА ТЕРРОРИЗМА В АВСТРАЛИИ КАК МЕЖДУНАРОДНАЯ ПРОБЛЕМА

Выбор темы обусловлен, с одной стороны, расширением угрозы терроризма и тем, что на современном этапе ни одна страна не застрахована от нее, а с другой – тем, что Азиатско-Тихоокеанский регион (АТР) является одним из самых быстрорастущих и динамически развивающихся регионов мира, где Австралия является мощным игроком и оказывает влияние на развитие субрегионов АТР. Работа является уникальной для русскоязычной литературы, так как это первое исследование, которое содержит в себе обширный обзор современных трендов угрозы терроризма в Австралии. Результаты исследования могут быть использованы для дальнейшей разработки данной темы и в более комплексных исследованиях в сфере международной безопасности.

Ключевые слова: угроза терроризма; салафитский джихадизм; Исламское государство; Аль-Каида; кибербезопасность.

K. YARMOSHUK¹⁾, Y. MALEVICH²⁾

¹⁾Belorussian State University; Nezavisimosti ave., 4,
220030, Minsk, Belarus; karinayarmoshuk@gmail.com

²⁾Belarusian State University; Nezavisimosti ave, 4,
220030, Minsk, Belarus; malejill@rambler.ru

TERRORISM THREAT IN AUSTRALIA AS AN INTERNATIONAL PROBLEM

The choice of topic is determined on the one hand by the expanding threat of terrorism and the fact that no country is safe from it nowadays, and on the other hand by the fact that Asia-Pacific Region is one of the most dynamically growing and developing regions in the world, where Australia is a powerful player and affects the development of subregions of the Asia-Pacific region. The purpose of the study is to identify and characterize the main features of the terrorist threat in Australia. The work is unique for Russian-language

literature, as it is the first study to contain an extensive overview of current terrorism threat trends in Australia. The results of the study can be used for further development of this topic and for more comprehensive studies in the field of international security.

Keywords: *terrorist threat; Salafi jihadism; Islamic State; Al Qaeda; cybersecurity.*

На современном этапе проблема **международного терроризма** относится к числу самых опасных и трудно прогнозируемых явлений современности, приобретающих все более разнообразные формы и угрожающие масштабы. Помимо национальных террористических групп, незаконных вооруженных формирований и других экстремистских организаций, признающих террористические методы борьбы, возникают и международные террористические организации (МТО), которые представляют собой наибольшую угрозу и опасность для общества, так как они имеют собственные независимые источники финансирования и осуществляют свою деятельность в различных регионах мира [1]. Важно подчеркнуть, что в настоящее время довольно трудно найти государство, которое могло бы считать себя застрахованным от террористических действий [2]. Принимая во внимание то, что Австралия является мощным актором в ИТР и играет большую роль в развитии островных государств ЮТР, важно определить особенности террористической угрозы в Австралии.

В этой стране наблюдался относительно низкий уровень террористической активности по международным стандартам в 2018 г. Более того, благодаря эффективной системе обнаружения и раннего вмешательства в Австралии с 11 сентября 2001 г. по настоящее время на австралийской земле не было успешно проведенных террористических атак салафитских джихадистов. Однако с 2014 г. уровень угрозы в Австралии оценивается как «вероятный», что означает существование достоверных сведений о том, что отдельные лица или группы продолжают намереваться (и обладают способностью) совершить теракт. И Мельбурн, и Сидней были показаны в видео и публикациях джихадистов. Более того, Австралия столкнулась с многочисленными террористическими заговорами. Например, в период с 2013 по 2019 гг. в Австралии было сорвано не менее 15 заговоров, с 2001 г. по январь 2019 г. 58 австралийцев были осуждены за террористические преступления, и более 80 % этих приговоров были вынесены за последние три года [3].

1. Особенности террористической ситуации в Австралии. Важно отметить, что, проанализировав множество официальных документов, статей и докладов научного сообщества Австралии,

бросается в глаза отчетливая риторика, что **наибольшую опасность для Австралии представляет салафитский джихадизм** [4]. Религиозно-политическая идеология салафитского джихадизма основана на взгляде на первые годы религии, чтобы понять, как должен быть упорядочен современный мир. Они отвергают религиозные инновации и поддерживают применение шариата (исламского закона) [5]. Они также верят в «физический» джихадизм [6].

Ключевым событием в формировании подхода Австралии к угрозе, создаваемой салафитским джихадизмом, стали взрывы на Бали в 2002 г. В результате взрывов погибли 202 человека, 88 из которых – австралийцы (второй взрыв в октябре 2005 г. привел к гибели 20 человек, четверо из которых – австралийцы). Следовательно, Австралия была одной из первых стран, которая поддержала операцию «Несокрушимая свобода» в Афганистане [3].

Австралия имеет большие интересы в области безопасности и экономики в ЮВА. Любая обычная военная угроза, а также угрозы, связанные с транснациональной преступностью, включая контрабанду людей и незаконный оборот наркотиков, в особенности терроризм, будут проходить через архипелаг к северу Австралии [7]. Неудивительно, что Австралия обеспокоена именно салафитским джихадизмом, ведь в числе организаций салафитского джихадизма есть такие организации, как Абу Сайяф (Филиппины), Аль-Каида в Ачехе (Индонезия), Джемаа Исламия (Индонезия, Малайзия, Филиппины, Сингапур) и др., которые базируются в ЮВА. Более того, стоит отметить, что ИГ, Аль-Каида, Боко хорам также являются организациями салафитского джихадизма.

2. Особый фокус направлен на опасность ИГ и Аль-Каиды. В австралийском контртеррористическом ежегоднике 2019 г. (Counterterrorism yearbook 2019) говорится, что глобальная угроза терроризма является более разнообразной, чем когда-либо прежде, и ИГ остается наиболее влиятельной силой. Военные потери ИГ в Сирии и Ираке хотя и велики, но не устраняют угрозу, которую организация представляет для Австралии и австралийских интересов. ИГ продолжает вдохновлять, радикализировать и направлять людей в Австралии на поддержку и участие в политически мотивированном насилии [8]. После конфликта в Марави, городе на юге Филиппин, в Австралии начали высказывать предположение, что ИГ пытается создать региональный плацдарм, с которого оно сможет совершать атаки в Индо-Тихоокеанском регионе [9].

И Аль-Каида, и ИГИЛ обращаются к Индо-Тихоокеанскому региону, стремясь использовать недовольства местного населения для рекрутинга в свои ряды. Они подчеркивали несоблюдение религиозных практик в обществах с мусульманским большинством; указали на плохое обращение, которому подвергаются мусульмане в Индии и Мьянме; поддерживали разочарование многих людей в отношении глобализации [3].

В самой Австралии сторонники ИГ переводили деньги, вербовали бойцов и предпринимали попытки террористических атак. С сентября 2014 г. в Австралии было совершено 7 нападений во имя ИГ, в результате которых погибли 5 человек. В течение того же периода в суде были доказаны 11 террористических заговоров, вдохновленных или руководимых ИГ [8].

3. Заметный переход от крупномасштабных, скоординированных и изощренных атак к более мелким, низкоуровневым атакам с примитивным или легкодоступным оружием, таким как грузовики, ножи и пистолеты. В 2019 г. сторонник ИГ нанес жестокий удар ножом в Мельбурне, а во время другого инцидента сторонник ИГ попытался взорвать автомобиль в деловом районе Мельбурна, прежде чем нанести удар по трем австралийцам, один из которых умер [8]. Для разведки и правоохранительных органов такие атаки сложно прогнозировать и предотвращать, особенно если ресурсы безопасности ограничены.

4. Угроза возвращения иностранных боевиков в страну своего происхождения или в страну третьего «принимающего» государства остается высокой. За последние пять лет 230 австралийцев выезжали за границу, чтобы присоединиться к ИГ и другим группам джихадистов в Сирии и Ираке, выступая в качестве фронтовых бойцов, террористов-самоубийц, пропагандистов, врачей и зачинщиков нападений за границей [8].

5. Одним из современных вызовов системе противодействия терроризму в Австралии является усиление участия детей в терактах. Ярким примером является убийство Кёртиса Ченга 15-летним Фарадом Джабаром. В настоящее время восемь австралийских несовершеннолетних обвиняются в преступлениях, связанных с терроризмом, а четыре уже осуждены [8]. В результате расследования инцидента на улице Бурк, штат Виктория, были осуждены лица, большинство из которых моложе 21 года [3].

6. **Женщины также начали играть более значительную роль в угрозе безопасности**, чем это было раньше. В 2018 г. Австралия наблюдала первый случай насилия, вдохновленного ИГ, со стороны женщины Момены Шома, а также первый случай, когда уже гражданка Австралии Зайнаб Абдирахман-Халиф была осуждена за преступление, связанное с терроризмом. Также примечательно то, что судебное разбирательство в марте 2018 г. выявило ключевую роль сестры Фархада Джабара, Шади Мохаммада Джабара, в убийстве Кёртиса Чена [8].

7. Еще одной проблемой стала **перспектива участия террористов в радикализации заключенных после их освобождения**. Правительство штата Новый Южный Уэльс очень обеспокоено этим риском и поэтому приняло Закон о терроризме (правонарушителях с высоким уровнем риска) (the Terrorism (High Risk Offenders) Act) 22 ноября 2017 г.

Рецидивизм не нов, но в случаях терроризма он может привести к серьезным противоречиям. Это стало очевидным после осады Брайтона (пригород Мельбурна, штат Виктория, Австралия) в мае 2017 г., совершенной австралийцем Якубом Хайром (Yacqub Khayre), который несколько раз был заключен в тюрьму за насильственные преступления, но освобожден условно-досрочно за шесть месяцев до нападения. Тогда федеральный генеральный прокурор Джордж Брандис возложил вину за инцидент на власти штата Виктория, ответственные за УДО, а другие министры федерального правительства АС обвинили судебную систему Виктории в том, что она «мягко» относится к вопросам терроризма. Эта ситуация показывает определенный сдвиг в ожиданиях: теперь не только органы, ответственные за безопасность, должны предпринимать действия по предотвращению терактов, но и суды, комиссии по УДО и т. д. [8].

8. **Австралия уделяет большое внимание кибербезопасности**. Ключевым театром действий является киберпространство, где ИГ участвует в онлайн-пропаганде, чтобы привлечь сторонников, мобилизовать средства и ресурсы, подготовить и натренировать террористов, поскольку это удобнее и дешевле создания центров обучения [10]. Австралия является одним из лидирующих государств АТР не только по показателям политической стабильности, экономического развития, уровня образования, но и развития ИКТ. Восемь из десяти австралийцев ежедневно пользуются интернетом, двое из трех австралийцев

имеют аккаунты в социальных сетях. В 2019 г. в среднестатистической австралийской семье к интернету подключены в среднем 24 устройства [11]. В ноябре 2017 г. отмечается рекордное количество случаев взлома баз данных в Австралии – 50 000 случаев. Поэтому кибербезопасность является третьим из 7 приоритетных направлений в обеспечении национальной безопасности в Австралии [11].

Таким образом, можно выделить следующие особенности террористической ситуации в Австралии: 1) наибольшую опасность для Австралии представляет салафитский джихадизм; 2) особый фокус направлен на опасность ИГ и Аль-Каиды; 3) замечен переход от крупномасштабных, скоординированных и изощренных атак к более мелким, низкоуровневым атакам с примитивным или легкодоступным оружием; 4) угроза возвращения иностранных боевиков; 5) усиление участия детей в терактах; 6) женщины также начали играть более значительную роль в угрозе безопасности; 7) перспектива участия террористов в радикализации заключенных после их освобождения; 8) большое внимание кибербезопасности.

Библиографические ссылки

1. Савельева Е., Буденкова В. Идентичность террориста: факторы формирования и методология изучения // Философия, наука, гуманизм в эпоху глобальной турбулентности : сб. науч. тр. Всерос. науч. конф. / Новосиб. нац. исслед. гос. ун-т. Новосибирск, 2018. С. 233–238.
2. Коновалова Е., Кадырова З. Международный терроризм как глобальная проблема современности // Аллея науки. 2017. № 16. С. 723–727.
3. Kfir I. 18 years and counting Australian counterterrorism, threats and responses [Electronic resource] // The Australian Strategic Policy Institute. 2019. URL: https://s3-ap-southeast-2.amazonaws.com/ad-aspi/2019-04/18%20Years%20and%20counting.pdf?5J2Se2RxM9CZa6QD5300yij_wP4f.ANm (date of access: 21.07.2019).
4. The Global Salafi Jihad [Electronic resource] // National Commission on Terrorist attacks upon the United States. 2003. URL: http://govinfo.library.unt.edu/911/hearings/hearing3/witness_sageman.htm (date of access: 20.07.2019).
5. Politics and the puritanical [Electronic resource] // The Economist. 2015. URL: <https://www.economist.com/middle-east-and-africa/2015/06/25/politics-and-the-puritanical> (date of access: 20.07.2019).
6. Jones S. A Persistent Threat: the evolution of al Qa'ida and other salafi jihadists [Electronic resource] // The Australian Strategic Policy Institute. 2019. URL: https://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/research_reports/RR600/RR637/RAND_RR637.pdf (date of access: 22.07.2019).
7. Скоробогатых Н. Австралийское общество и исламский терроризм // Восток. Афро-Азиатские общества: история и современность. 2017. № 3. С. 140–151.

8. *Kfir I., Grice G.* Counterterrorism yearbook 2019 [Electronic resource] // RAND – National Defense Reserach Institute. 2014. URL: https://s3-ap-southeast-2.amazonaws.com/ad-aspi/2019-03/ASPI%20Counterterrorism%20YB2019_acc_1.pdf?VWvpiCRC_om4gXFvmBHvSn0NIDNOrMvM (date of access: 25.07.2019).

9. *Kfir I.* 3rd Australia-Europe Counter-Terrorism Dialogue: Transforming the new threat landscape [Electronic resource] // The Australian Strategic Policy Institute. 2019. URL: https://s3-ap-southeast-2.amazonaws.com/ad-aspi/2019-04/18%20Years%20and%20counting.pdf?5J2Se2RxM9CZa6QD5300yij_wP4f.ANm (date of access: 21.07.2019).

10. *Uren T., Cave D.* Threat posed by evil nations and criminals in cyber-land is rising [Electronic resource] // The Australian Strategic Policy Institute. 2017. URL: https://s3-ap-southeast-2.amazonaws.com/ad-aspi/2018-02/SR%20118%20Third%20ASPI%20KAS%20Dialogue.pdf?LzJPEUVj5Rxxolz9vYDfToYTR1wsXW_9 (date of access: 26.03.2019).

11. Cyber security strategy 2016 [Electronic resource] // Australian Department of Home Affairs. 2016. URL: <https://www.pmc.gov.au/sites/default/files/publications/australias-cyber-security-strategy.pdf> (date of access: 20.08.2019).